

Михаил СЕРЕГИН

РУССКИЙ

ВОР

УДАРОМ
НА

УДАР

ЭКСМО

Михаил Георгиевич Серегин

Ударом на удар

Серия «Русский вор»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167307

М.Серегин Русский вор: Ударом на удар: Эксмо; Москва; 2004

ISBN 5-699-00062-3

Аннотация

Вокруг больших денег кружат крупные хищники. И вору в законе Меченому, и «отцам города», и продажным ментам не дает покоя капитал Владимира Полунина – бывшего зэка по кличке Седой, а теперь преуспевающего бизнесмена. Полунина травят по всем правилам: обвиняют в убийстве, шантажируют жену, подставляют на каждом шагу. Ладно, матерый зэк Седой принимает вызов. За убытки, что он понес, Седой захватывает воровской общак, о чем и сообщает Меченому, приходи, мол, разберемся сначала с тобой, а там и до других дойдет очередь.

Содержание

Михаил Серегин	4
Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	37
Глава 4	60
Глава 5	76
Глава 6	89
Глава 7	106
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Михаил Серегин

Ударом на удар

Глава 1

Темно-коричневый «Крайслер», отражая полированными боками и тонированными стеклами проплывающие мимо фонари и сияющие витрины магазинов, свернул с проспекта. Бесшумно работал кондиционер, окна машины были плотно задраены. Снаружи – нестерпимая июльская жара, а в салоне свежо – восемнадцать по Цельсию. Полунину нравилась эта машина. Каплевидный кузов, мощный восьмицилиндровый двигатель, гидроусилитель руля. Не говоря уж о тормозах, велюровой обивке салона и прочих прибабасах.

Полунин посмотрел на часы на приборном щитке и, поняв, что немного опаздывает, надавил на педаль акселератора. Двигатель почти неслышно прибавил обороты, и машина легко увеличила скорость.

Неприятным осадком на душе лежал вчерашний инцидент со Славкой, из-за которого Полунин даже отменил намечавшийся на воскресенье пикник и отправился на работу. Ему было стыдно перед Светланой за свою вспыльчивость. И чего это он так разошелся? Что, он не доверяет своему

лучшему приятелю? Да не посмеет Славка никогда... А если даже посмеет? Нельзя же из-за этого убивать! В таких делах нужна большая деликатность. Своей ревностью он просто оскорбил Светлану. Он и так уделяет ей не слишком-то много времени. Нужно купить сегодня ей цветы – самый красивый букет. И извиниться перед Славкой. Он поднял трубку, собираясь позвонить Болдину, но передумал, решив, что сделает это из дома, чтобы Светлана все слышала. От этого на душе стало легче, и он снова принялся за бумажные дела.

Закончив проверку документов, подтверждавших прибытие на таможенную очередную партии материалов и оборудования для завода, Полунин уже собирался домой, когда позвонил Жорж Шульц и попросил встретиться с ним как можно скорее.

– Что-нибудь случилось? – Владимир поднялся, оставив документы на столе, зная, что завтра секретарша отправит их по назначению.

– Нет, ничего такого, – как-то неопределенно проговорил Шульц, – просто нужно кое-что обсудить.

Обычно педантичные немцы не работали по воскресеньям, тем более что вчера, на дне рождения Светланы, они прилично набрались, поэтому звонок этот показался Полунину несколько странным. Но Шульц был одним из новых акционеров «Нефтьоргсинтеза», которые следили за проведением поставок и наладкой оборудования, поэтому отказать ему Владимир не мог. Приглашать немца на завод тоже

не было никакого резона, и Полунин назначил ему встречу по пути домой.

– В «Бригантине» будет удобно, Жора? – поинтересовался он.

– Да-да, – быстро согласился Шульц, – буду ждать.

Они договорились на девять, а сейчас уже было начало десятого – пришлось улаживать кое-какие вопросы с начальником дежурной смены, охранявшей завод.

К досаде Полунина, в этот воскресный день на стоянке возле кафе не было ни одного свободного места. Пришлось медленно проехать мимо и запарковать «Крайслер» в начале соседнего квартала. Не обращая внимания на знак, запрещающий остановку, он тормознул у тротуара и вышел на улицу. Сразу окунулся в горячее, липкое. Сделав несколько шагов по направлению к «Бригантине», он ослабил узел галстука и, вернувшись, бросил его на заднее сиденье машины.

Он не заметил, что двигавшаяся немного позади него черная «девятка» замедлила движение и тронулась только тогда, когда он снова пошел в сторону кафе. Полунин почувствовал опасность, когда до «Бригантины» оставалось не больше пятидесяти шагов. Человек, мягко ступавший по разогретому асфальту следом за Владимиром, быстро настиг его, обхватил одной рукой за корпус, а другой, в которой что-то держал, ударил в шею. Удар был не сильным, но Полунин как-то сразу обмяк, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Он все-таки напрягся, пытаясь обернуться, и в какое-то мгно-

вание ему это удалось. Посмотрел на нападавшего, стараясь запомнить, но лицо парня расплылось, а потом растаяло и исчезло совсем.

Он уже не чувствовал, как две пары крепких рук подхватили его безжизненное тело, провели несколько шагов до черной «девятки», остановившейся напротив, и втокнули в салон.

* * *

День рождения Светланы Полунин решил праздновать в ресторане «Оливер». Его директор, некогда ставший жертвой разборки между Батуриным и командой полковника Исаева, был признателен Полунину, которому удалось восстановить в городе мир и порядок. Пиршество в банкетном зале было организовано по высшему разряду. Сервис ресторана отличала предупредительная изысканность и не лишённое подобострастия желание услужить людям, следящим за тем, чтобы заведение и дальше оставалось подконтрольным и преуспевающим. А уж если случались праздники, такие, как этот, тут уж администрация и персонал «Оливера», находящегося на пересечении поделённых между криминальными группами территорий и выбранного в качестве места решения спорных вопросов, выкладывались на все сто.

И неважно, что батуринские ребята обычно не употребляли ничего крепче пива, сортов коего было на столе не мень-

ше дюжины, — всеобщее веселье крепло и ширилось, расходясь волнами от стола, за которым Славка Болдин острил, отпуская порой скабрёзные шуточки по поводу «боевых» операций и растущих appetitов людей Батурина. Женщины пили преимущественно шампанское. Поредевшие ряды бойцов Батурина пополнили «новобранцы».

Полунин сидел с едва пригубленной рюмкой коньяка, присланного ему Юсуповым, торговавшим в Москве греческими коньяками. Александр взял с Владимира слово, что на всех праздниках Полунин будет пробовать хотя бы каплю из подаренной ему коллекции. Обещание носило шуточный характер, но Полунин всегда относился к Юсупову с искренней симпатией, а кроме того, был благодарен тому за помощь в разборке с Томашевским и Исаевым.

Чуть поодаль от батуринцев сидели гости из областной администрации: первый зам губернатора по топливно-энергетическому комплексу Цепелюк Николай Борисович, помощник Цепелюка — Изяев Шамиль Рахметович, начальник финансового отдела Реденко Иван Петрович, а также специально приглашенные члены совета директоров немецкой корпорации «JEL», с которой Полунин заключил контракт на инвестирование «Нефтьоргсинтеза» в обмен на пятнадцатипроцентный пакет акций своего детища. Немцы жеманно морщились, косясь на шумную компанию во главе с Болдиным, и манерно улыбались, полные загадочных мыслей и расчетов. Казалось, даже атмосфера всеобщего веселья не может ото-

рвать их от составления бизнес-планов и обдумывания бизнес-проектов. Они словно надели на себя маски, но сквозь заученные гримасы пробивались хвостики невольных прикидок. С официальной речью про спутницу жизни и блестящие перспективы российско-немецкого сотрудничества выступил Цепелюк Николай Борисович. Это был тучный лысеющий мужчина лет пятидесяти, с короткими руками и тройным подбородком, с плотно сжатыми тонкими губами и оценивающим прищуром серых глаз, смотрящих из-за очков цепко и внимательно. С лица Цепелюка не сходило выражение глубинного недоверия, его узкий рот то и дело складывался в скептическую усмешку, так что даже произнося торжественный спич, он не мог до конца улыбнуться. Вместо улыбки по его лицу пробегали быстрые судороги, когда же нужно было придать словам максимум значения, он слегка хмурил почти бесцветные брови, а потом снова натягивал на себя маску безразличной усталости.

– С этим проектом наша область имеет все шансы выйти на мировую арену... Если мы соединим русский размах с немецкой пунктуальностью, – здесь он с тонким намеком посмотрел на продолжавшего есть икру Пеггелера, – то... – чиновник на секунду замялся, – то... цены нам не будет...

Полунин усмехнулся про себя и незаметно для окружающих переглянулся с иронично внимающим словам Цепелюка Болдиным. Болдин чуть не прыснул со смеху. Он не любил всех этих надутых шишек, считая их паразитами на теле

общества. Когда Полунин, который, сам не отличаясь оптимизмом по поводу работы чиновников, все же не хотел мести всех под одну гребенку и стремился объяснить Славке, что и среди служащих государственных контор попадаются порой вполне приличные люди, Болдин отмахивался, а то принимался насмехаться над «наивностью» Владимира. И тогда Полунину приходилось ставить зарвавшегося «сопляка» на место.

– ...мы даже рассматриваем вопрос о расширении сотрудничества. Да, – Цепелюк многозначительно обвел взглядом присутствующих, – пятнадцать процентов акций – это не предел! Мы заинтересованы в налаживании новых производств... Высокооктановый бензин – это еще не все! Битум, кровельные материалы, дизельное топливо, топочный мазут... – Цепелюк даже повеселел, – все, что хотите. Без топлива ни область, ни страна не могут сдвинуться ни на шаг в своем экономическом развитии.

Полунин нахмурился. Сидевшая с ним по правую руку Светлана осторожно положила ладонь ему на руку.

– И только такие люди, как Полунин Владимир Иванович, пригласивший нас на этот замечательный праздник, способны «сделать сказку былью». Но и таким сильным и умным бойцам, – Цепелюк как-то судорожно усмехнулся, очевидно, таким образом выказывала себя ироническая игривость, на которую он вдруг осмелился, – нужен кто-то, кто мог бы обеспечить отдых, уют, покой.

Полунина передернуло от досады. Корявость чиновничьей речи раздражала его. Но он быстро справился с собой и посмотрел на свою спутницу. На ее хорошо очерченных губах застыла чуточку насмешливая улыбка. Эта улыбка, спокойная реакция умной и тактичной женщины на официозную пошлость, пролила на его сердце бальзам.

— Я предлагаю поднять бокалы, — с пафосом произнес Цепелюк и при этом не мог удержаться и не посмотреть на ба-
туринцев, — за здоровье спутницы Владимира Ивановича, за здоровье Светланы, женщины, сумевшей так организовать быт этого недюжинного человека, что он всегда полон энергии, сил, творческих планов. Итак, за вас, Света, позвольте мне так вас называть, будьте здоровы, счастливы и любимы! И пусть ваша красота с годами только расцветает... Кха-кха... Ну...

Тут потное лицо Цепелюка, который, казалось, сегодня превысил долю показной благожелательности, дрогнув складками, приняло непроницаемое выражение, что еще больше смазало эффект от произнесенной речи. Это почувствовали даже братки. Они неожиданно смолкли. Не потому, что Цепелюк приковал к их группе неодобрительный взгляд, а потому, что, несмотря на леность мысли или общую неразвитость, едва ли не каждый из них обладал звериным чутьем, помогающим распознать фальшь и лицемерие. Сами себя они считали парнями рисковыми, героями, способными вмиг распрощаться с жизнью, отстаивая интересы своей

группы. Это им казалось высшим проявлением мужества и служения. А здесь напыщенный дядя из обл администрации вешает им лапшу на уши!

Тем не менее за здоровье и красоту именинницы выпили дружно. Немцы налегали на коньяк, водка им явно пришлась не по вкусу.

Прозвучало еще несколько дежурных тостов, а потом, когда алкогольные пары ударили в голову и зазвучала ритмичная музыка, многие из гостей пошли танцевать. Другие остались за столами, и их разговоры становились все более эмоциональными. Только немцы по-прежнему сосредоточенно пили и шептались. Полунин скучающе пялился на кривляющихся пузанов и вертлявых теток. Батуринцы держались особняком, и Полунин понимал, что Колян недоволен тем, что Владимир уделяет чиновникам столько внимания.

– Пойду с Коляном поболтаю, – сказал он шепотом жене, – приду, будем танцевать.

Светлана улыбнулась и кивнула. Полунин встал и направился к Батурину. Тот, заметив приближающегося Полунина, слегка нахмурил брови.

– Ну, чего сидишь как сыч? – усмехнулся Полунин. – Бизнес есть бизнес. От этих чинуш многое зависит.

– Да нет, я не в претензии, – через силу улыбнулся Батурин, – я все понимаю. Но и ты пойми – не компания нам эти хитромудрые фраеры.

– Мне они тоже не по душе, – мрачно проговорил Полу-

нин, – но, брат, государство у нас такое.

– А ты как стрелочник, – усмехнулся подошедший Болдин – до этого он танцевал с кучерявой блондинкой, пришедшей на вечеринку вместе с Реденко, – осуществляешь, так сказать, связь между откровенно криминальным элементом и скрытым криминальным элементом.

Его голубые глаза смеялись. Губы тоже дергались.

– Варезку закрой, – беззлобно одернул его Полунин, – аналитик хренов. Думаю, нам не мешало бы завтра собраться где-нибудь за городом.

– Ага, – радостно подхватил Батурин, тряхнув своей коротко стриженной головой, – шашлычок приготовим. Посидим как люди... А то эти чмо на меня тоску нагоняют.

Он слегка кивнул в сторону Цепелюка, пыхтящего за соседним столом, – тот потчевал обещаниями и заверениями в развитии международных связей Пеггелера, озабоченного очкарика с каштаново-рыжими волосами. Тот рассеянно внимал ему. Иногда, правда, немец напрягался, потом вдруг его лицо озарял невыразимый восторг понимания. Восторг длился какую-то долю секунды, ему на смену вновь приходил недоверчивый скепсис.

В этот миг, однако, они оживились – появился их коллега Жорж Шульц. Он что-то шепнул Пеггелеру и напрямую отправился к столу, за которым сидела Светлана. Поискав глазами Полунина и обнаружив его в компании Болдина и Батурина, Шульц сделал скупой приветственный жест. По-

лунин считал себя обязанным присоединиться к жене и Шульцу. Этот последний происходил из семьи поволжских немцев. Восемь лет назад он выехал на свою историческую родину и сделал неплохую карьеру во Франкфурте-на-Майне. Он стал одним из трех совладельцев концерна «JEI», и как раз с ним Полунин имел непосредственно дело. Шульц занимался инвестициями в российскую промышленность. Тамошние немцы, очевидно, решили использовать его поволжские корни, знание русского языка и традиций. Полунину он казался дельным, хотя и немного нахальным парнем. Он, конечно, не позволял себе открыто критиковать Шульца, но порой все же не мог удержаться от иронического замечания. Шульц отвечал неизменной лукавой улыбкой, как бы говоря, что и Полунина можно назвать немного нахальным. Внешне Шульц напоминал братка, только одетого с иголки, по западному стандарту. И в глазах у него был некий настороженный холодок. Отталкивающим в его наружности были губы – длинные, узкие, словно вдавленные.

– Извините, что опоздал – дела. Встречался с консулом. Душевно все вышло. Света, горячо поздравляю вас!

С этими словами он вручил Светлане букет красных роз и небольшой сверточек, красиво перевязанный лиловой лентой. Она как-то опасливо приняла сверток, что дало повод Шульцу для шутки.

– Не бойтесь, здесь не бомба, – усмехнулся он, – это просто маленькая безделушка. Часы, – пояснил он и сел рядом

с Полуниным.

Официант налил ему коньяку. Он весело опрокинул рюмку и взял с блюда лимон.

– Прекрасно! – улыбнулся Жорж. – Да, Владимир, повезло вам! Такая красавица!

Светлана стояла такая юная и стройная, такая соблазнительная в серебристом платье на тонких ляпочках, что у Полунина от приятной истомы зашло сердце. Она показалась ему донельзя хрупкой, и он непроизвольно сжал кулаки. Никому не даст он ее в обиду! Вслед за этим по губам Владимира скользнула ироническая усмешка. Что он в самом деле как мальчишка? И тут к ним подлетел Болдин.

– Светлана, вас можно пригласить? – с нарочитой серьезностью произнес этот светловолосый клоун. – Здравствуйте, господин Шульц.

Светлана натянуто рассмеялась и выжидательно посмотрела на Полунина. Тот старался, чтобы его лицо выглядело непроницаемым, но образовавшаяся меж бровей складка отчетливо говорила, что ему не по душе предложение Болдина. Казалось бы, что здесь такого? Твою жену-именинницу приглашает на танец твой близкий друг, из-за чего здесь волноваться? Но Полунин знал, что Болдин равнодушен к Светлане, а та, хоть и видит в Славке только друга, все же по доброте сердечной жалеет его. Нет, Полунин даже мысли не допускал, что жена ему изменит, но душевная мягкость Светы казалась ему в данной ситуации некой скрытой угрозой. Он

ревновал с какой-то по-животному страстной подозрительностью, и ему с трудом давалось спокойствие, которое он заставлял себя выказывать, когда видел жену и Славку вместе пусть хоть мимолетно.

Светлана поняла, что Владимиру очень неприятно было бы видеть их танцующими. Она легонько толкнула Славку в плечо и, подморгнув Полунину, пошла к выходу.

– Ну что, пижон, – улыбнулся наконец Полунин, – промазал?

– Да это все ты, Отелло доморощенный! – поморщился Славка и умчался на танцплощадку, не желая терпеть подтрунивания.

Полунин сразу же испытал приступ раскаяния. Он показался себе каким-то дремучим медведем. Откуда в нем эти примитивные чувства?

Владимир обвел взглядом стол и танцплощадку. Он не понимал, куда подевалась Светлана. Неужели для того, чтобы поправить макияж, нужно полчаса?

Он встал и направился к выходу.

По дороге столкнулся с Цепелюком.

– Владимир Иванович, ты, надеюсь, еще не уходишь, а то у меня к тебе разговор есть.

– Нет, – выдавил Полунин, – я еще вернусь.

Он миновал гардероб, пустой в эту летнюю пору, и прошел к туалетным комнатам. Мужской и женский туалеты разделял небольшой зальчик, где висели зеркала и стояли

кожаные диваны. Тут же в кадках парились натуральные пальмы. Пол застилал изумрудный ковер. Едва ноги Полунина ступили на него, а взгляд упал на диван, где рядом со Светланой, нагло положив руку на ее колено, сидел Болдин и умоляюще заглядывал ей в лицо, сердце у него дрогнуло и сжалось. Точно ножевая боль пронзила его. Голос изменил Полунину. У него потемнело в глазах. Он смотрел на жену и Болдина теперь отстраненно, как на киноплёнку, с чувством нереальности происходящего.

– Володя, – вскочила как ошпаренная Светлана, – я тебе сейчас все объясню...

Болдин подавленно молчал. Он смотрел куда-то мимо Полунина, вниз.

– Ты какого... – Полунин сорвался на крик, который тут же перешел в надрывный хрип. – Пошел к черту! Я тебе покажу, как чужих жен лапать!

Не помня себя от злости, Полунин подскочил к дивану, с которого уже поднялся Болдин, и ловко вывернул ему руку. Славка застонал.

– С ума сбрендил, – затараторил он – Ой, пусти, пусти, больно же! Ой-ой!

– Отпусти его, – подскочила к ним Светлана, – он ничего плохого не сделал... Да что же это ты!

Полунин не реагировал на вопли жены. Славка уже кричал. Полунин достал из-за пояса «ПМ» и, приставив его к Славкиному виску, жарко и угрожающе зашептал тому на

ухо:

– Я из тебя котлету сделаю, если еще приблизишься к ней, донжуан хренов! Слышал? – дернул он Славку. – Если еще раз... ближе чем на пять метров к ней подойдешь, считай себя покойником, ты меня знаешь!

– Знаю-знаю, – хныкал Славка, – отстань только!

– Владимир! – кричала Светлана. – Отпусти его, ты не в себе...

В этот момент раздалась чьи-то голоса. Владимир машинально ослабил хватку, но их уже заметили. Это были Цепелюк и Изяев. За ними шла официантка, одна из тех, что обслуживали праздник. От неожиданности все они чуть открыли рты и замерли на месте.

– Пошел вон! – подтолкнул Славку к выходу Полунин. – И запомни мои слова.

– Что это вы, Владимир Иванович, что не поделили? – сузил свои глаза-щелки Изяев.

– Ай-яй-яй, нехорошо-о-о, – укоризненно протянул Цепелюк. – Мы, конечно, знаем, что человек вы решительный, но так расправляться с...

Николай Борисович замялся на секунду.

– Надеюсь, – продолжил он после небольшой паузы, – вы разрешили конфликт?

– Разрешили, – мрачно процедил Полунин, и галантно взяв Светлану под руку, повел в зал.

– Извините, – натянуто улыбнулся он, – небольшая про-

блемка. Все уже в ажуре.

– Владимир Иванович, не забудьте, – услышал он вдогонку сладенький голос Цепелюка, – у меня к вам разговор.

– Я помню, Николай Борисович, – повернулся к нему Полунин, – буду вас ждать.

Когда они были уже в зале, Полунин остановил жену. Они могли разговаривать в полный голос – громкая музыка заглушала слова.

– Почему ты позволяешь класть ему руку себе на колено?

– Это получилось нечаянно... – дрожащим голосом проговорила Света. – Володя, – сокрушенно добавила она, – если бы ты видел себя со стороны!

– Ни один человек без помощи зеркала не может увидеть себя со стороны, – с упрямым видом сказал Полунин, – и я не исключение. Что мне прикажешь думать?

Его глаза вспыхнули холодным блеском.

– Я тебя отлично понимаю, а вот ты не хочешь прислушаться к тому, что я тебе говорю. Ведь потом сам жалеть будешь! – печально добавила она.

– Я уже жалею, – злобно усмехнулся Полунин.

– Вот видишь, – Светлана не расслышала в голосе мужа сарказма.

– Жалею, что не вышиб ему мозги.

Видя, что жена всерьез восприняла его слова, он засмеялся.

– Да не смотри ты на меня так, ты меня пугаешь! Неужели

ты думаешь, что я способен кого-то просто так вот убить? Ну, не просто так, конечно...

Он выразительно посмотрел на Светлану, которая не знала, что ей делать: улыбнуться и простить мужа или продолжить упрёки.

– Ты и вправду меня испугал, – грустно сказала она, – я тебя таким еще не видела.

– Ладно, проехали. Но дай мне слово...

– Начинается, – горестно вздохнула Светлана. – Что ты за человек! Ты и Славку-то напугал, – покачала она головой, – он теперь спать не будет.

– Ничего, – отмахнулся Полунин, – насколько я знаю, бессонницей он не страдает, у него крепкая нервная система, можешь мне поверить.

Увидев Полунина, Батури́н привстал. Полунин направился к браткам.

– Что-то ты бледный, – улыбнулся Николай. – А со Светланой что? – Ничего, – попробовал разыграть беззаботность Полунин, – а вот немцы меня одолели – проходу нет.

– Чё хотят? – лениво поинтересовался Батури́н.

– Чтоб я им еще кусок завода продал, – саркастично усмехнулся Полунин, – а меня сейчас не это занимает. Мне Меченый нужен.

– Понимаю, – почесал в затылке Батури́н, – так ты ж и так уже везде, где можно, проверил.

– Как сквозь землю провалился! – с досадой сказал Полу-

нин. — Остается только к Мирону обратиться, может, он что знает, — без особой убежденности произнес Владимир.

— Где мы его только не искали! — подхватил Батурин. — Хату проверили, Фиксатый там несколько дней дежурил, «телку» Меченого тоже проверили — не появляется он у нее. С блатными конкретно побазарили в натуре, ни хрена подобного! Да я тебе уже говорил!

— Знает, гнида, что я его ищу, — злобно усмехнулся Полунин, — только никуда он не денется. Я его все равно достану.

— Сам всплывет, — с мстительной интонацией сказал Колька, — помяни мое слово. Объявится где-нибудь и начнет беспредельничать. Он хоть и вор в законе, а живет не по понятиям.

— Ах, вот вы где! — вскричал невесть откуда появившийся Цепелюк.

Он стоял возле стола, за которым сидели Владимир и Николай, и с презрительной гримасой изучал грубое волевое лицо Батурина. На Полунина он и не смотрел, хотя обращался к нему.

— Да-да, Николай Борисович, я помню. — Полунин встал и, кивнув Батурину, направился в глубину зала, ведомый под руку Цепелюком.

Полунин не старался вырвать руки, хотя прикосновение Цепелюка было ему неприятно. И еще больше раздражал его заговорщический тон последнего, когда тот заговорил с Владимиром о недостаточном объеме сотрудничества меж-

ду «Нефтьоргсинтезом» и концерном «ЈЕІ».

– А вам, Николай Борисович, простите за прямоту, какая выгода от этого? – усмехнулся Полунин.

– Ну как же! – приглушенно воскликнул изобразивший на своем отечно-обвислом лице изумление Цепелюк. – Это ж для блага области, для престижа. И потом, чисто меркантильный интерес – чем больше ваше предприятие будет иметь прибыли, тем больше оно будет платить налогов, а для областного бюджета это как раз и выгодно. Или вы не согласны?

– Почему не согласен, – ушел от прямого вопроса Полунин.

– Возможно, на следующих выборах я выставлю свою кандидатуру на пост губернатора, – понизив голос, произнес Николай Борисович. – Представляете, какие дела мы могли бы с вами проворачивать, если бы работали в одной упряжке.

– Вы хотите заручиться моей поддержкой? До выборов еще очень далеко. И потом, мне не нравится, когда меня запрягают.

Раздосадованный Цепелюк продолжил, поняв, что его собеседник не торопится соглашаться:

– Жаль, жаль. Упрямство, Владимир Иванович, – зачастую хорошая вещь, но порой оно может сослужить дурную службу.

Полунин и эту реплику Цепелюка оставил без ответа. Он неожиданно вспомнил о том, что произошло у туалетных

комнат. Воспоминание резануло его, вызывая рецидив злобы и раскаяния. Эти два противоречивых чувства пронеслись в душе Полунина и, утихнув, запечатлелись в горькой ухмылке.

– Да-а, – многозначительно протянул Цепелюк, словно мстя за несогласие Полунина продать дополнительный пакет акций, – я видел, что вы способны защитить любимую женщину от любого посягательства. Но смотрите, в следующий раз не переборщите...

Его узкий рот растянулся в ехидной усмешке.

– Следующего раза не будет, – решительно заявил Полунин, чем вызвал у Цепелюка недоверчиво-оскорбительный смешок. – А теперь позвольте покинуть вас.

Глава 2

Шея ныла, как будто по ней прошелся небольшой паровой каток. Полунин попытался достать до больного места, но оказалось, что сделать этого он не может – на заведенных за спину руках были наручники. «Какой-то дурной сон», – покачал он головой и открыл глаза. Боль в шее не исчезла, и руки не стали более свободными. «Черт возьми, где это я?» Он обвел глазами просторное полутемное помещение. Вокруг возвышались деревянные стены, а сверху проходила толстенная балка, на которую опирался потолок. На балке, на длинном белом проводе болталась пыльная лампа. В нос ударил запах свежескошенного сена, на котором он лежал. Владимир попытался сесть, и с третьей попытки ему это удалось. Он был в светлых брюках и белой сорочке с коротким рукавом, то есть в той же одежде, в которой его похитили. Сквозь небольшое зарешеченное окно без стекла пробивался сумеречный свет.

Подогнув под себя ноги, Полунин поднялся и, пока еще было светло (он почему-то сразу определил, что сумерки вечерние), принялся осматривать сарай. Кто и зачем его сюда привез, было сейчас неважно. Выяснением этого можно будет заняться позднее. Главное – выбраться отсюда. Он попробовал плечом на прочность стены и понял, что их не проломить. Массивная дверь была заперта снаружи и не подда-

лась, когда он налег на нее всем телом. Окно находилось на высоте почти двух метров, да и доберись он туда – все равно через него не пролезть. Но он мог хотя бы посмотреть, где находится, если как-то забраться повыше. «Не может такого быть, чтобы в сарае не нашлось чего-нибудь подходящего», – решил Полунин, во второй раз обходя помещение.

В дальнем углу действительно валялся старый молочный бидон, который можно было использовать в качестве приступки. Владимир ногами подкатил его к окну и попытался поставить стоймя, когда снаружи загредел засов и дверь распахнулась.

Он резко обернулся, готовый к самому худшему, но тут же понял, что пока с ним ничего такого делать не собираются. В дверях стоял крепкий парень среднего роста то ли в длинных трусах, то ли в широких бриджах, кожаных сандалетах на босу ногу и тонкой цветастой рубашке навывпуск. На голове, совсем не по погоде, красовалась черная вязаная шапочка, натянутая до самого подбородка, в каких спецназовцы выходят на задание. Израильский пистолет-автомат «узи» болтался у бедра на ремне, перекинутом через плечо.

– Ну чё, фраер, очухался? – усмехнулся парень. – А мы уж думали, что ты копыта откинул.

– Я еще тебя переживу, придурок. – Полунин не спеша пошел в сторону двери.

– Тю, тю, тю! – Парень поднял «узи», направив его Полунину в живот. – Стой на месте и не дергайся.

– Чего вы мне вкололи, сволочи? – Владимир остановился в нескольких шагах от надсмотрщика.

– Чего я, доктор, что ли, – пожал тот плечами. – Ты лучше скажи, пить или жрать хочешь?

– Я сожру с потрохами тебя и твоих докторов и даже не подавлюсь. Вы хоть знаете, с кем связались?

– Какие мы грозные! – Парень презрительно сплюнул, но автомат не опустил. – Не бойсь, скоро будешь на свободе. – Губы в прорези шапочки растянулись в хитрую ухмылку.

– Знаешь что, – сказал Владимир, – давай сделаем так. Ты снимаешь с меня наручники и уходишь, оставив дверь открытой, а я обещаю, что оставлю тебя живым, когда выберусь отсюда.

– Не-а, – парень покачал головой, – так не пойдет. Отпускать тебя не велено... пока. А я человек маленький. Значит, ничего тебе не нужно? – повторил он свой вопрос после небольшой паузы.

Тут только Полунин понял, что парень был не один. Во время их разговора за дверью сарая стоял еще кто-то. Теперь он вышел из своего укрытия, держа в руках банку с пивом. Молодчик был крупнее своего приятеля, выше, а одет примерно так же, только вместо широких бриджей на нем были не менее широкие шорты зеленого цвета. Рубаха топорщилась на поясе, за ремень у парня был явно засунут пистолет. Потянув за язычок, детина вскрыл банку с пивом и, обойдя своего напарника, протянул Полунину. Поняв, что с зако-

ванными сзади руками их пленник пить не может, он достал ключи, а банку поставил на пол.

– Повернись, – скомандовал он Полунину.

Владимир подчинился. Парень снял один браслет, развернул Полунина к себе лицом и снова защелкнул на нем наручники.

– Теперь можешь пить. – Он поднял пиво с пола и протянул Полунину. – Пошли, – кивнул он напарнику и сам первым вышел из сарая.

– Эй! – окликнул его Полунин. – Долго еще меня здесь держать будете?

– Сколько надо – столько и будем, – раздалось в ответ, и дверь захлопнулась.

Полунин только теперь понял, как ему хочется пить. Есть тоже хотелось, но чувство голода было еще довольно терпимым. Он поднес прохладную банку ко рту и не отрывал ее, пока она не стала пустой. Бросив жестянку на пол, он подошел к молочному бидону и, как следует установив, встал на него обеими ногами. Глаза оказались чуть ниже обреза окна, но и так кое-что разглядеть было можно. Вдали желтело поле пшеницы, по краю которого чернел кусок леса. Больше ничего видно не было.

«Странно, – Полунин только сейчас подумал о несовпадении, – сколько же сейчас времени?» Он посмотрел на часы, которые оставались у него на руке, и приложил их к уху, думая, что с ними что-то не в порядке. Они показывали пять

минут десятого. Это было невозможно, если только время не пошло вспять. Посмотрев внимательно на циферблат, он увидел в квадратном окошечке цифру «шестнадцать». «Значит, – понял он наконец, – уже сутки прошли с тех пор, как меня похитили. И сегодня не воскресенье, а понедельник. Понятно теперь, почему так хочется есть». Если бы ему чего-нибудь принесли эти ублюдки, он, наверное бы, согласился. Но еще с зоны он помнил одну из главных заповедей – не проси. Сами принесут, сволочи! Он ощупал карманы брюк, которые оказались пустыми, и уселся на сено – слабость еще давала о себе знать.

Он уже решил для себя, что убивать его не собираются, иначе попробовал бы уже освободиться. Дитина в зеленых шортах, который снимал с него наручники, давал ему такую возможность, помимо своей воли, конечно. Полунин даже представил себе, как он бьет его коленом по яйцам, затем падает, повалив на себя, и вытаскивает у него из-за пояса пистолет. Напарник с «узи» стрелять бы не стал, побоялся бы угодить в приятеля. Владимир ни секунды не сомневался, что попал бы в него с такого расстояния... Теперь, конечно, было поздно об этом думать, но мысли сами крутились вокруг этого, напоминая об упущенной возможности.

Владимир начал размышлять, кому было нужно его похищать? Кто вообще мог осмелиться на это? Разборки с преступной верхушкой исполнительной власти города, закончившиеся около полугода назад полной победой Полунина и

его товарищей, поставили его как бы особняком в этом сибирском городе. Никто из руководителей группировок – Полуниин это знал наверняка – не решился бы на такой шаг даже под страхом смерти. Да и не нужно им устранять Полунина – они всегда могли обратиться к нему, как к третейскому судье, зная, что он всегда рассудит возникающие между ними споры по справедливости. Впрочем, устранять его пока никто не собирается. Тогда зачем его похитили и больше суток держат в этом сарае?

Неожиданно в его мозгу всплыл образ Лешки Меченого – вора в законе, исчезнувшего после того, как он не стал исполнять решения общего сходняка о совместной борьбе с продажными ментами. Неужели это он снова объявился и пытается свести с Полуниним старые счеты? У него мог быть зуб на Владимира. Полунин вспомнил, как этой зимой вместе с Фиксатым – Виталькой Мухиным – расстрелял несколько приспешников Меченого. Было за что: Меченый сам собирался кинуть Полунина на деньги. К сожалению, Лешке тогда удалось сбежать. Вернее, он вообще не приехал на «стрелку», видимо, почуяв неладное. Такие люди как звери – нюхом чувствуют опасность. После поражения в той войне он как сквозь землю провалился, даже квартиру свою бросил и залег где-то надолго. Правда, некоторые из контролируемых «синими» предприятий продолжали работать и, очевидно, приносили им какую-то прибыль, но перепадает ли с этого что-нибудь лично Меченому, Полунин мог только до-

гадиваться. В связи с заключением контракта с немцами и начавшейся реконструкцией «Нефтьоргсинтеза», контрольным пакетом которого владел лично Полунин, на него навалилось столько забот, что на поиски Лешки просто не оставалось времени. Нельзя сказать, что Владимир совсем забыл о существовании Алексея Белова, как в миру звался Меченый. Он пару раз поручал Батурину и Болдину разведать, где находится «лежка» вора в законе, но их поиски ничем конкретным не завершились. Выходило, что Меченого вообще может не быть в городе, в чем, правда, сам Полунин очень сомневался. Теперь же его сомнения подтверждались таким вот не слишком приятным для него образом. Придется начать поиски Меченого с удвоенной энергией. Естественно, после освобождения.

Под потолком вспыхнула тусклая лампочка, на двери снова клацнул замок. Вошли те же двое, в тех же самых нарядах, только у парня в шортах на этот раз в одной руке была глубокая тарелка, в которой лежал кусок копченой колбасы, большой ломоть белого хлеба и пара помидоров, а в другой – полуторалитровая пластиковая бутылка минералки, которая почему-то оказалась початой.

– Вставай! – Он подошел к Полунину и поставил провизию и воду прямо на пол, так как больше было некуда поставить.

Владимир поднялся и, догадавшись, чего нужно братку, протянул ему скованные руки.

– Догадливый, – усмехнулся тот, снял браслеты и сунул их в глубокий карман зеленых шорт. – Хавай давай, если хочешь, конечно, – добавил он.

– Давно откинулся? – Полунин посмотрел на его руку с вытатуированным перстнем.

– Три месяца, а тебе-то что? – ответил тот.

– Видно, снова захотел к хозяину, раз принялся за старое, – посмотрел на него в упор Полунин.

– Не твое дело, – огрызнулся парень, – а вот ты точно будешь париться на нарах, – добавил он и, не оглядываясь, вышел из сарая.

За ним попятился его напарник, держа Полунина на мушке своего «узи». Дверь снова заперли снаружи, но лампа осталась гореть.

Он с удовольствием поел и запил небогатый ужин минералкой. Вода почему-то показалась ему горьковатой, но он выпил почти всю, так как после еды пить захотелось с новой силой.

«Так какого же черта вам от меня нужно?» – подумал Полунин, вытягиваясь на душистом сене, пьянящий аромат которого заставил его задремать. Ему удалось еще раз открыть глаза, и, прежде чем провалиться в какое-то тягостное, липкое забытие, он увидел тусклую лампу, обрамленную радужным нимбом, словно голова святого, подвешенного за ноги.

Болдин сидел дома и паялся в ящик. Это был немецкий порнофильм, что-то вроде «Глубокой глотки». Несколько голых баб и мужиков трахали друг друга оптом и в розницу, стоя и лежа, безо всякого сюжета.

Славка нажал кнопку на пульте и отправился на кухню за пивом. На полдороге его застал телефонный звонок. Было около полуночи, но Славку это не удивило: бывало, что приходилось общаться с кем-то из приятелей и не в такое время.

– Слава? – узнал он голос Светланы.

– Да, я, – он сглотнул слюну. – Как дела?

– Володя не вернулся с работы, – с тревогой в голосе произнесла она.

– Значит, где-то задержался. Ты не волнуйся, никуда он не денется.

– Что-то беспокойно мне как-то, – не слушая его, продолжала Светлана. – Обычно он предупреждает, если задерживается.

– Может, злится на тебя из-за вчерашнего? – предположил Болдин.

– Но все равно, можно же позвонить. У него и мобильник не отвечает.

– Значит, действительно обиделся. – Славка кашлянул, прочищая горло. – Самое главное – не из-за чего обижать-

ся-то.

– А ты не мог бы его поискать? – просительно произнесла Светлана. – Просто узнать, где он и как...

– Не думаю, что он воспримет это правильно, – задумчиво ответил Болдин. – Давай сделаем вот как. Если он не объявится через пару часов, ты мне перезвони.

Славка поговорил с ней еще несколько минут, пытаясь убедить, что все будет в порядке, а у самого в голове начали крутиться разные нехорошие мысли. Едва распрощавшись со Светланой, он набрал номер Батурина и попытался исподволь выяснить, не видел ли он Полунина сегодня и не знает ли, что он собирался делать вечером. Тот ответил отрицательно на оба вопроса.

– Ты знаешь этих его немецких друзей, – сказал Славка, – может, Иваныч у них завис?

Сам Батурин звонить немцам отказался, тем более в такое время, но телефоны Болдину продиктовал. Пришлось Славке делать это самому. Правда, он решил сначала дождаться звонка Светланы, надеясь, что Полунин все-таки объявится. Но тот не объявился. Впрочем, звонки к немцам тоже ничего не дали: никто из них на работе в воскресенье не был и Полунина не видел. Шульц, правда, заявил, что договаривался встретиться с Владимиром Ивановичем в девять вечера в кафе «Бригантина», чтобы обсудить кое-какие вопросы, но Полунин на встречу не явился.

– И ты не пробовал найти его?

– Нет, – просто ответил Шульц, – все-таки воскресенье. Я подумал, что он поехал к жене.

– Но он обещал приехать?

– Да.

– Так какого же черта!.. – Болдин бросил трубку и, нацепив майку, выскочил на улицу.

Проколесив по городу остаток ночи и начало следующего дня, Славка снова принялся обзванивать все места, где мог появиться Полунин. Но его поиски ни к чему не привели. Плюнув на условности, Славка побывал и у Светланы и некоторое время оставался у нее, успокаивая, как мог. К дому Болдин попал только к вечеру, выжатый, как половая тряпка. Нужно было хоть немного поспать, а потом с новыми силами продолжать поиски. Впрочем, Полунина искал не только Болдин. К поискам подключились все братки Батурина во главе с самим Николаем. Но и им не удалось найти не только Полунина, но и его машины.

* * *

Болдин был вымотан ужасно; сказывались бессонная ночь и суматошный день. Он вышел из машины, которую обычно оставлял тут же, во дворе дома, и двинулся к подъезду. Возможно, если бы не сильная усталость, он бы почувствовал опасность заранее, но и в этом случае ему, скорее всего, не удалось бы избежать своей участи, предначертанной судь-

бой-злодейкой. Набрав код, Болдин отворил дверь и шагнул в гулкую тишину подъезда. Быстро спустился лифт, и двери кабины распахнулись перед Славкой. Он нажал кнопку четвертого этажа, где находилась его квартира, и прислонился к стенке кабины, разглядывая в зеркале свое отражение. Большие внимательные глаза с лучиками морщин грустно глядели из-под полуприкрытых век. Щеки ввалились. Пот струйками стекал по вискам и большими каплями набряк на гладком лбу. Вспомнив о Светлане и невесть куда запропастившемся Полунине, Славка вздохнул и провел рукой по ежику русых волос. Вздох перешел в затяжной зевот, и когда двери лифта распахнулись, Болдин все еще стоял с открытым ртом и запрокинутой головой.

Он все же успел увидеть холодные глаза незнакомца, казавшиеся просто ледяными в такой изнуряющей жаре. По выражению этих глаз Болдин успел понять, зачем сюда пришел этот человек и кого он ждет. Деться Болдину было некуда. С трех сторон его сжимали пластиковые стенки лифта, а с четвертой незнакомец поднимал на уровень груди «ТТ» с навинченным на ствол глушителем. «Дурацкая смерть, мать твою», – даже не успев испугаться, подумал Славка. Он попытался все-таки уйти с линии огня, рванувшись вперед и вбок, но, словно оперевшись во что-то, замер на мгновение и откинулся назад.

Незнакомец протянул свободную руку к лежащему на полу лифта телу и прижал пальцы к яремной впадине кли-

ента. Затем спрятал оружие и принялся общаривать мертвое тело. Покончив с карманами, он открыл валявшуюся здесь же барсетку, кое-что вынул из нее и сунул в карман своего легкого пиджака.

Двери лифта загудели, пытаясь закрыться, но ноги мертвого Болдина, торчавшие наружу, не дали им этого сделать. Убийца выпрямился, еще раз взглянул на сделанную работу и начал не спеша спускаться вниз, на ходу снимая с рук тонкие хлопчатобумажные перчатки. Он слышал, как двери лифта с тупым упрямством пытаются закрыться, но это им никак не удается.

Глава 3

Очнувшись, Полунин увидел перед глазами не свет лампы и деревянный потолок, а черно-зеленую листву дерева, сквозь которую пробивался свет фонаря. Он понял, что лежит на деревянной скамье в каком-то парке. Лежит, судя по всему, давно. Он сел, потянулся, расправляя затекшие мышцы, и покрутил головой. Шея почти не болела, а вот голова была тяжелой, словно с похмелья. Подняв руку, Владимир посмотрел на часы. Начало четвертого. Семнадцатое июля. Светка наверняка в панике. Да и на работе его не было целый день. Ну, он устроит этим козлам, которые осмелились похитить его!

Полунин поднялся, сделал несколько разминочных движений и проверил карманы. Все было на месте. Какого черта нужно было этим ублюдкам?! Набрав полные легкие тепловатого предрассветного воздуха, он с силой выдохнул и зашагал наугад по безлюдной, плохо освещенной аллее. Через несколько минут он понял, что находится в дальнем, самом глухом конце Центрального парка. Достав на ходу мобильник, он набрал номер Болдина, чтобы тот приехал за ним к главному входу в парк. Долго никто не отвечал, потом соединение вроде бы все-таки произошло, но трубка молчала. Это было странно – обычно Славка сразу же отвечал на все звонки. Владимир попробовал повторить набор, но все повторил-

лось так же, как и в первый раз, – связь сработала, но голоса никто не подавал. «Черт, – подумал Полунин, – может, Славка трубку потерял, а какой-то деятель решил ее присвоить?»

«Доберусь как-нибудь сам», – решил он. Можно было, конечно, позвонить Фиксатому и Батурину – они посчитали бы за честь оказать ему услугу, но Полунин их беспокоить не стал. Почти добравшись до выхода из парка, он позвонил домой.

– Володя? – услышал он почти сразу заплаканный голос Светланы.

– Я, Светик, я, – успокоил он ее, – все в порядке. Я скоро.

– Господи, что случилось?

– Еще сам толком не знаю, – ответил Полунин, – но узнаю. Сейчас приеду, тогда поговорим.

Она хотела сказать еще что-то, но Владимир уже отключил трубку. В данный момент ему не очень-то хотелось вести душеспасительные беседы.

Он миновал громадные чугунные ворота парка, которые никогда не закрывались, и вышел на проспект Энтузиастов, названный так еще в совдеповские времена в честь... В честь энтузиастов, естественно. Энтузиастов строительства светлого будущего.

Полунин прошагал в сторону дома около двух больших кварталов, прежде чем ему удалось поймать машину. Расплатившись с водителем возле дома, он вошел во двор и направился к подъезду. На востоке небо начинало уже свет-

леть, а над крышей дома висел тонкий серпик старой луны. Полунин улыбнулся, представив, как Света бросится в его объятия, он смоет с себя двухдневную пыль и ляжет в постель...

– Господин Полунин?

Он резко обернулся, услышав этот негромкий голос, который не предвещал ничего хорошего. У Владимира не было никаких сомнений по поводу того, кому принадлежит этот голос. Нет, самого владельца голоса он не знал, но тон, которым был произнесен этот полувопрос-полуутверждение, говорил Полунину о многом. Таким тоном – не вполне уверенным, но тем не менее безапелляционным – разговаривают представители исполнительной власти, точнее говоря, менты.

Этот был одет в штатское. Он шел к Полунину от невзрачного серого «жигуленка» шестой модели, в котором провел, видимо, не один час. У машины остались стоять еще двое, сжимая в руках автоматы.

– Чему обязан? – Полунин остановился и посмотрел в лицо приближавшемуся к нему менту в штатском.

У того было худое, какое-то изможденное лицо, казавшееся серым в предрассветных сумерках, короткие светло-русые волосы и такие же светлые усы, торчащие как бы вперед.

– Лейтенант Пелех, уголовный розыск, – представился он, ткнув Полунину под нос удостоверение. – Не могли бы вы проехать с нами ненадолго?

– Я двое суток не видел жену, лейтенант, – начал было Полунин, – сказал, что еду. Она меня ждет.

– Мы знаем. – Лейтенант осторожно взял Владимира под локоть. – Встретитесь с ней чуть позже. Пойдемте, не будем терять времени.

Пелех повел Полунина к «шестерке».

– А чего такая спешка, лейтенант? Меня в чем-нибудь подозревают?

– Вам сейчас все объяснят, господин Полунин, не волнуйтесь.

– Позвонить-то хоть можно? – Владимир хотел достать мобильник, но лейтенант остановил его.

– Позвоните из отдела.

Его посадили на заднее сиденье «Жигулей» между двумя автоматчиками, лейтенант сел вперед на пассажирское сиденье, и «шестерка» тронулась с места. До городского отдела ехали молча. Там Пелех передал Полунина дежурному, которому что-то шепнул на ухо, и ушел. Владимиру приказали вынуть все из карманов и отправили в «обезьянник» – небольшую комнатку с двумя деревянными скамьями, отгороженную от дежурки стальной решеткой. – Объясните же наконец, в чем дело? – попытался выяснить он у дежурного – флегматичного крепыша с маленькими глазками, на форменной рубашке которого красовались капитанские погоны. – Я что, арестован?

– Вы задержаны по подозрению в умышленном убий-

стве, – ответил дежурный, запирая за ним решетчатую дверь.

– Что?! – словно ужаленный вскрикнул Полунин. – Я должен позвонить своему адвокату.

Только теперь до Владимира начал доходить смысл происходящего. Многого он не знал, вернее, не знал почти ничего, но понял, что кто-то его крупно подставил. Подставил так, что его могут отправить на нары, и не на один год. Не понимал он одного – кому и зачем это было нужно?

– Утром позвонишь, – отмахнулся дежурный, моргнув глазками.

– Нет, сейчас, – твердо проговорил Полунин сквозь зубы.

– Ладно, – капитан вынул ящик с вещами Полунина и протянул ему мобильник, – только один звонок.

Немного подумав, Владимир набрал номер Степина. Денис Григорьевич был одним из немногих адвокатов в городе, отлично знавших свое дело, и, пожалуй, единственным, кому Полунин мог доверять. Он не раз защищал его интересы в судах и на предварительном следствии и почти всегда выходил победителем. Номер долго не отвечал. Наконец Полунин услышал заспанный голос адвоката:

– Я-а.

– Это Полунин. Я в городском отделе. На меня пытаются повесить мокруху, – коротко обрисовал он ситуацию. – Вы можете подъехать?

– Но я в отпуске, – пробормотал Степин, – под Москвой.

– Тогда срочно берите билет и первым же рейсом сюда.

Естественно, все расходы я беру на себя.

— Я, конечно, приеду, но это получится не раньше вечера. — Степин, почуяв поживу, начал просыпаться. — Если хотите, я свяжусь с кем-нибудь из своих знакомых, чтобы они пока поработали с вами.

— Не нужно, — отказался Полунин, надеясь, что на первых порах он справится и сам (опыт подобного рода у него уже был), — лучше позвоните моей жене — она еще ничего не знает.

* * *

До утра он так и не сомкнул глаз, размышляя о событиях последних дней, а около девяти его в наручниках отправили в следственный изолятор. После прохождения всех формальностей его определили в камеру, где уже находилось три человека. Он подождал, пока надзиратель, громыхая тяжелыми запорами, запрет за ним обитую металлом дверь, и внимательно оглядел свое новое временное жилище: одно окно, закрытое толстой стальной решеткой, четыре шконки в два яруса, раковина с отбитой эмалью, параша в углу — обычный набор.

Три пары глаз с интересом наблюдали за ним: как-то поведет себя новенький? СИЗО хоть и не тюрьма, но порядки здесь ничем не отличаются от тюремных. Так же налажена работа почты, по которой на волю и с воли передавались

маявы, так же организован и тюремный телеграф, который сообщал о вновь прибывшем обычно раньше, чем он переступал порог камеры. О Полунине, похоже, еще не знали – слишком уж быстро его сюда определили. Эта камера, по-видимому, была не рядовой. Обычно в СИЗО они забиты до отказа и больше и ожидают в них своей участи не менее двадцати человек в каждой. Здесь же было только три человека, но Владимир не стал пока ломать над этим голову.

Он почти сразу же определил старшего – худого длинного мужика с дряблым выступающим брюшком. Тот устроился с ногами на нижней шконке под окном, из которого в камеру могло попасть хоть немного свежего воздуха. На бугристой голове у него висело мокрое полотенце, которым он то и дело протирал голый торс.

Вторым был здоровяк, плашмя лежащий на соседних нарах, подложив руки под голову. Тройной подбородок и громоздящееся над телом огромное брюхо. Маленькие, глубоко посаженные глазки, едва видные из-за широких трясущихся щек.

Третий обитатель камеры сидел наверху со скрещенными ногами и гонял вокруг себя воздух полотенцем. Ему можно было дать лет двадцать. Он был, что называется, средним типом. Среднего телосложения, невзрачный, совершенно ни о чем не говорящее лицо. «Шестерка» – сразу же определил Владимир.

Все старожилы старательно делали вид, что им безразлич-

но появление в их владении нового обитателя, но исподволь старательно наблюдали за Полуниным, ожидая, что тот на чем-нибудь лопухнется и тогда уж они вволю повеселятся, издеваясь над новеньким. Но все они ошиблись, принимая Владимира за первоходца, думая, что это какой-то высокопоставленный лох, хапнувший больше, чем ему положено по должности.

Полунин знал, что, зайдя в камеру, нужно представиться и назвать статью, которую ему инкриминируют, и не стал изменять издавна заведенному порядку. После этого настроение у обитателей камеры несколько упало: умышленное убийство было серьезной статьей.

– Ты ведь не первый раз? – проницательно уставился на Полунина старший.

– Не первый.

– Тебя, случаем, не Седым кличут? – Старший положил полотенце рядом с собой и опустил ноги на пол.

– Угадал, – усмехнулся Полунин, – но вообще-то я Владимир Иванович, а ты кто?

– Я – Ходуля, – тощий поднялся, подошел к Полунину и с уважением протянул ему руку, – это Бычок, – кивнул он на толстяка, – а тот, – поднял он глаза к верхней шконке, – Сито. Он тоже за мокруху, – загоготал он, – застал жену с фраером. Фраер-то сдернул, а жене досталось сковородкой по репе. Ну-ка, Бычок, – зыркнул он на здоровяка, тут же посерьезнев.

Бычок медленно поднялся, бросил свои шмотки на верхние нары, где сидел Сито, и с несвойственной для такой туши прытью сам забрался туда же. Молча залепив Ситу затрепщину, от которой тот свалился на пол, он скинул его вещи и начал устраиваться. Сито, заскулив, как побитая собака, стал перебираться на соседние нары. Полунин молча наблюдал за происходящим, ожидая, пока ему освободят шконку. Когда все было готово, он шагнул вперед.

– Вообще-то, Седой, – Ходуля двинул следом, – тебе полагается мое место здесь занять – сам ведь знаешь.

– Знаю, – кивнул Полунин, присаживаясь на нары, – только давай с этим немного погодим. Я здесь надолго задерживаться не намерен. Если не удастся выбраться на волю за неделю, тогда об этом и побазарим.

– Как скажешь, – пожал плечами Ходуля, радуясь в глубине души, – его нынешнее положение в камере, да и во всем изоляторе, давало ему немалые льготы, потерять которые было бы для него не самым приятным делом. – Может, тебе чего нужно, Седой? – Ходуля пристроился рядом, стараясь заглянуть Полунину в глаза.

Полунину претило такое подобострастие, но он промолчал.

– Есть хавка, водка, сигареты, – перечислял Ходуля, – можно и дури организовать. Если надо, маляву на волю отправим.

– Отлично, – устало улыбнулся Полунин, хлопнув Ходулю

по влажной горячей спине. – Для начала неплохо было бы чего-нибудь холодненького.

– Это мы мигом, – Ходуля сам пошел к двери и постучал условным стуком.

Вскоре в двери распахнулось окошко, и в нем показалась пластиковая бутылка минералки. Бутылка была явно из холодильника, на ее поверхности проступили капельки изморози. Ходуля схватил минералку и подал ее Полунину. Свернув пробку, тот с удовольствием принялся пить холодную, щиплющую горло жидкость. Напившись, Владимир вернул бутылку Ходуле. Тот сделал несколько глотков, завинтил крышку и бросил полупустую бутылку наверх – Бычку. Ловко поймав «послание», Бычок принялся с жадностью слюнявить пластиковое горлышко, пока в бутылке ничего не осталось. Сито смотрел на него пылающими глазами, но ему не перепало даже капли. Он осторожно спустился вниз, прихватив с собой кружку, налил воды из-под крана, выпил, вылив остатки на свою коротко стриженную голову.

– Не суетись здесь, – прикрикнул на него Ходуля и снова повернулся к Полунину. – Ладно, отдыхай, Седой. Если что нужно будет, скажи – организуем.

– Ага, – Полунин снял рубашку и растянулся на нарах, чтобы хоть немного поспать. Он предчувствовал, что вскоре его вызовут на допрос, и нужно было восстановить силы и нервы, чтобы достойно выдержать его.

Те, кто ни разу не общался со следователем или дознава-

телем, а смотрел о допросах по телевизору или читал в книгах, слабо представляют себе, что это такое. Конечно, многое зависит от конкретного следователя: умный он или глупый, добрый или жестокий, молодой или опытный, но в принципе это испытание не из легких. Проще всего тем, кто пошел в отказ, то есть отрицает все, что ему предъявляют, – пусть «следак» сам находит доказательства вины. Но здесь же таилась и опасность, что следователь не выдержит и начнет применять запрещенные методы, а проще говоря, физическое воздействие. Причем люди, которые занимались такой обработкой, в основном были умелыми и опытными в своем деле и почти никогда не оставляли следов на теле подозреваемого. Попадались среди них и откровенные садисты, как, например, Шевчук – прапор с зоны, на которой мотал свой первый срок Полунин. Он вспомнил, что отомстил этому недоноску в погонах, отомстил спустя много лет, но радости от этого ни тогда, ни сейчас почему-то не испытывал.

Были и такие «следаки», которые просто-напросто «выбивали» из подозреваемого нужные показания. Даже в том случае, если следователь попадался «гуманный» и не применял физического насилия, нужно было иметь недюжинную память, чтобы запомнить все свои показания, которые ты давал раньше. Это в том случае, если ты пытаешься представить все не так, как оно было на самом деле, потому что тебе по многу раз задают одни и те же вопросы, восстанавливая время преступления поминутно. Не так-то легко удержать

все в памяти, если к этому основательно не подготовиться.

В случае с Полуниным была другая проблема. Ему не нужно было крутить и вилять, чтобы создать у следователя реальную картину преступления. Он знал, что никого не убивал, но все равно не мешало себя настроить на долгий и нудный разговор, чтобы не позволить заманить себя в какую-нибудь ловушку, которые любят расставлять особо дотошные «следаки». Владимир расслабился и не заметил, как задремал. Его разбудил легкий толчок в плечо и знакомый голос:

– Седой, обедать будешь?

Полунин открыл глаза и увидел склонившегося над ним Ходулю, который держал в руках смоченное водой полотенце. Владимир взял у него полотенце, протер лицо, шею и грудь и только после этого сел на кровати.

– А что у нас на обед? – глубоко вздохнув, поинтересовался он.

– Не переживай, Иваныч, – хитро сощурился Ходуля и показал на тумбочку, на которой была разложена всяческая снедь, – хавчик по первому разряду.

Еда была действительно неплохой, учитывая место, где находились эти четверо мужчин. На расстеленной газете, заменявшей скатерть, алели свежие помидоры в обрамлении зелени петрушки, укропа и перьев лука, пупырчатые огурчики выглядели плотными и сочными, красно-белый редис, казалось, светился изнутри. Рядом лежали холодные котлеты, нарезанные тонкими ломтиками ветчина и сыр. Но это

были только закуски, главным блюдом стола была запеченная утка, обложенная отварным картофелем. На сладкое были приготовлены несколько больших ломтей астраханского арбуза и истекающая соком туркменская дыня.

Полунин удовлетворенно кивнул и подсел к тумбочке. Следом за ним сели Ходуля и Бычок. Только теперь Полунин понял, почему у этого толстяка такая кличка. Он ходил, наклонив большую голову немного вперед и приподняв покатые плечи, ну точь-в-точь как это делают молоденькие бычки, резвящиеся на выпасе. Бычок устроился рядом с Ходулей, напротив Полунина. Владимир слегка покосился на Сито, который глотал слюну, сидя на своей верхотуре, и понял, что тому достанутся только объедки.

* * *

После обеда Полунина отвели на допрос. Сперва явился надзиратель, который отворил дверь камеры и выкрикнул фамилию Полунина. Затем, нацепив на него наручники, он передал Владимира Ивановича конвоиру, который длинными гулками коридорами отвел его в ту часть следственного изолятора, где производились допросы.

В маленькой душной комнатке кроме стола со стулом и привинченного к полу табурета ничего не было. Сквозь зарешеченное окно всюду палило солнце, приукрашивая невзрачный интерьер. За столом сидел шатен лет тридцати с

небольшим, с зачесанными назад волосами, которые он то и дело приглаживал ладонью.

– Пожалуйста, присаживайтесь, Владимир Иванович, – шатен вытянул руку, показывая на табурет. – К сожалению, наручники снять я с вас не имею права.

У шатена был мягкий голос и интеллигентные манеры. Большие карие глаза внимательно следили за Полуниним. Владимир сразу же понял, с кем имеет дело. «Следак» был из категории дотошных копателей. «Тем лучше, – обрадовался Полунин, – есть шанс, что дороет до правды». Хотя он понимал, что правда у него и у следователя была разная. При всей своей возможной честности следователь находился под прессом правил и установок, которые не мог преступить. Давила на него и пресловутая раскрываемость, от которой следственная система не ушла ни на йоту со времен начала перестройки. И с рядовых следователей, и с их начальников требовали ежемесячных отчетов, и каждое нераскрытое дело повисало на их шее тяжким грузом. Но выбирать Полунину не приходилось, поэтому он был рад, что ему не попался какой-нибудь неуч или крючоктвор.

– Старший следователь прокуратуры Малышев Виктор Андреевич, – представился шатен. – Мне поручено вести ваше дело.

– Как я понимаю, – сказал Полунин, – мне инкриминируют убийство. Так вот, хочу сразу же заявить, я никого не убивал.

– Охотно верю, Владимир Иванович, – вздохнул Малышев, – поэтому мы и должны вместе во всем разобраться.

– Мой адвокат будет в городе сегодня вечером. – Полунин посмотрел на Малышева, который перекладывал бумаги из папки на стол и обратно.

– Хорошо, – кивнул следователь, – но, может, вы могли бы ответить пока на несколько вопросов? Чтобы ускорить процесс, так сказать...

– Ладно, задавайте ваши вопросы, – согласился Полунин, считая, что свои права он знает и без адвоката. Во всяком случае, он мог хотя бы вникнуть в суть дела, которое ему инкриминируют.

– Тогда скажите мне, пожалуйста, Владимир Иванович, – Малышев оторвал взгляд от бумаг, – где вы были вчера вечером, около десяти часов?

– Не знаю, – после долгой паузы ответил Полунин. – Я хочу сделать заявление.

– Да, пожалуйста, – кивнул Виктор Андреевич.

– В воскресенье, сразу после девяти вечера, меня похитили неизвестные люди у кафе «Бригантина», где у меня была назначена встреча с моим зарубежным партнером Жоржем Шульцем.

– Интересно, – Малышев поднял на Полунина недоверчивый взгляд, – почему же вы сообщаете о похищении только сейчас? Ведь прошло уже почти трое суток.

– А как, по-вашему, я мог это сделать? – невесело усмех-

нулся Полунин. – У меня там телефона не было.

– Вы бы смогли опознать похитителей?

– Нет, они были в масках. – Владимир с сожалением покачал головой.

– И что они от вас требовали, выкуп?

– Они ничего от меня не требовали.

– Вы можете показать место, где похитители вас удерживали?

– Нет. Это был какой-то сарай, но где он находится, я не имею ни малейшего представления.

– Как вам удалось освободиться?

– Они сами отпустили меня.

– Вы говорите, что не знаете, где находится этот сарай. Тогда как же вы добивались до дома?

– Видимо, перед тем как отпустить меня, мне дали снотворное вместе с пищей, – пояснил Полунин, чувствуя, что его рассказ звучит не слишком убедительно, – я очнулся сегодня ночью на скамейке в Центральном парке, добрался до дома на попутке, где меня и задержали.

– Вы не находите это, мягко говоря, странным? – Малышев улыбнулся улыбкой психиатра, привыкшего иметь дело и не с такими психическими аномалиями. – Вас похищают, держат какое-то время взаперти, а потом отпускают, ничего не потребовав за ваше освобождение. А ведь вы, Владимир Иванович, как мне известно, человек не бедный. Что вы на это можете сказать?

– То, что у меня есть средства на жизнь, – вяло усмехнулся Полунин, – еще не значит, что я богатый человек. Хотя при необходимости я могу достать приличную сумму денег. И раз похитители не стали требовать у меня выкуп, значит, у них были какие-то другие планы. Могу еще только предположить, что те, кто ввязался в эту игру со мной, сперва не вполне представляли, с кем они имеют дело: обид я никому не прощаю. Возможно, что меня выпустили, когда разобрались, кто я такой.

В последнее предположение Полунин и сам едва ли верил. Это могло произойти только в том случае, если похитителями были какие-то залетные деятели или местные отморозки. Но и те и другие действовали бы не так или не совсем так, как работали его похитители. Одна мелочь – а конкретно, наковка на пальце одного из похитителей – говорила о том, что действовали «синие». Но «синие» не могли не знать, кого они похищают, а отморозки наверняка бы сразу потребовали выкуп. Чем больше проходило времени с момента похищения, тем больше Владимир утверждался в мысли, что оно было тщательно спланировано и продумано до мелочей. Оставалось только выяснить, ради чего оно было затеяно. И Полунин был уверен, что об этом он узнает уже сегодня. Так что останется лишь найти обидчиков и разобраться с ними по-свойски. Но его мысли забрели слишком далеко, он чуть было не забыл, где находится. Его первостепенной задачей было выбраться на свободу любыми законными способами,

а может, и незаконными, если это потребуется.

– Владимир Иванович, – с сомнением покачал головой Малышев, – давайте не будем строить совсем уж невероятных предположений.

Виктор Андреевич вынул из кармана рубашки пачку «Мальборо», закурил сам и предложил Полунину, но тот отказался.

– Скажите, у вас есть оружие? – как бы между прочим поинтересовался Малышев, бросив пачку на край стола.

У Полунина был пистолет, который он постоянно держал в машине в тайнике и лишь иногда носил с собой. Последний раз он вынимал его из тайника в тот вечер, когда отмечали день рождения Светланы. Оружие было «чистым», на него имелось официальное разрешение, поэтому скрывать этот факт Полунин нужным не посчитал.

– Есть, «пээм», – сказал он, – ствол зарегистрирован, так что не понимаю, какие у вас могут быть по этому поводу претензии.

– Скоро мы доберемся и до претензий, – мягко, но решительно осадил его «следак» и тут же продолжил: – А когда вы последний раз пользовались своим пистолетом?

– Я им вообще не пользовался, это новый пистолет.

– В субботу, в ресторане «Оливер» у вас был торжественный прием, – как бы нехотя произнес Малышев.

– Да, – кивнул Полунин, – у моей жены был день рождения.

– Так вот, – следователь начал листать бумаги, лежащие перед ним в папке, – один из ваших гостей сообщил, что вы угрожали пистолетом Вячеславу Болдину.

– Ну, – поморщился Владимир, вспомнив неприятный инцидент, – было, да. Но я не собирался пускать его в ход. Это была, так сказать, превентивная мера.

– Превентивная, значит. Вы хотели предупредить своего приятеля. Болдин был вашим приятелем, ведь так?

– Конечно, – согласился Полунин, – и он тоже понимал, что я не собираюсь стрелять в него.

– А из-за чего, собственно, вышла ссора?

– Как вам сказать... – Полунину не очень-то хотелось вдаваться в такие подробности.

– Сказать лучше честно, – предупредил его Малышев, – это в ваших же интересах.

– Хорошо, – Владимир с досады сжал кулаки до побеления в суставах, – все были немного выпивши, и я приревновал его к своей жене. Но это было мимолетной вспышкой, после я сам жалел, что погорячился.

– Ревность не самое красивое чувство, – как бы говоря с самим собой, произнес «следак», – и очень сильное. Наверное, вы не смогли его побороть.

– Слушайте, – ноздри Полунина расширились от едва сдерживаемого гнева, – что вы суете свой нос в мою личную жизнь? Какое вообще это имеет отношение к моему похищению?

– Может, и не было никакого похищения, а, Владимир Иванович? – Малышев смотрел своими большими глазами прямо в глаза Полунина. – Может, вы нам здесь, как говорится, вешаете лапшу на уши?

– Слушай, ты, – Полунин привстал с места и наклонился в сторону Малышева так, что почти коснулся головой его лица, – делай свое поганое дело, но не советую тебе обвинять меня во лжи! Если у тебя есть какие-нибудь факты, выкладывай, если же нет, я больше базарить с тобой не намерен.

– Сядь на место, – «следак» тоже поднялся и собирался уже нажать кнопку, чтобы вызвать конвойного, но Владимир взял себя в руки и опустился на табурет. – Хочешь на «ты» – пожалуйста, – Малышев тоже сел. – Я в курсе, что ты не первый раз общаешься со следователями. А что касается фактов – их у нас тоже предостаточно, чтобы упрятать тебя за решетку, и надолго.

– Так выкладывай, – уже более спокойно сказал Полунин, – чего ты тянешь кота за яйца.

– Факты такие, гражданин Полунин, – Малышев снова раскрыл свою папку, – вчера, около двадцати двух часов в лифте своего дома выстрелом из пистолета был убит Вячеслав Болдин.

– Что-о-о? – Полунин вскочил и схватил «следака» за грудки. – Чего ты мелешь, козел вонючий?

Он приподнял его из-за стола и принялся трясти словно грушу. Малышев, видимо, был готов к такой реакции.

Он успел нажать «тревожную» кнопку, и в помещение ворвались двое конвойных. Один ударил Полунина по рукам, пытаясь освободить следователя, другой схватил за горло и принялся душить. Когда воздуха стало не хватать, Владимир разжал руки, и его усадили на табурет.

– Так вы думаете, что это я убил его? – возмущенно прохрипел Полунин.

– Если вы этого не делали, – видя, что Полунин не собирается больше на него бросаться, Малышев кивнул конвойным, чтобы покинули комнату, – вы должны помочь нам доказать обратное.

– Сволочи, гниды, падаль, – зло шептал Полунин, неизвестно кому адресуя ругательства.

Теперь-то ему стало ясно, что его подставили, как мальчишку. Причем подставили подло и жестоко, убив одного из лучших его друзей. Нужно как можно быстрее выбираться отсюда, чтобы найти и наказать беспредельщиков. Вот только удастся ли это сделать?

– Почему вы думаете, что это я убил Болдина? – почти шепотом спросил он.

«Следак» поправил ворот рубашки, провел ладонью по волосам и достал сигарету.

– Дай мне тоже.

Малышев вынул еще одну и протянул Полунину. Щелкнул зажигалкой. С минуту они дымили молча, потом Виктор Андреевич начал выкладывать свои мысли.

– Во-первых, у вас был мотив – ревность...

– Да я бы никогда... – Полунин махнул рукой, чувствуя, что сейчас не в силах объяснить этому человеку с прилизанными волосами, какие чувства он питал к Славке Болдину. Поэтому он только вздохнул и произнес: – Ладно, давай дальше.

– Во-вторых, – продолжил говорить следовательно, как бы даже обрадовавшись, – на одной из автостоянок была обнаружена ваша машина марки «Крайслер», государственный номерной знак... – он снова сверился с бумагами и продиктовал номер, который Полунин знал и без него. – Это ваша машина?

– Моя. Только когда меня похитили, она оставалась неподалеку от кафе «Бригантина».

– Я излагаю вам факты, гражданин Полунин.

– Ладно, вали дальше. – Он стряхнул пепел прямо на пол.

– В вашей машине, под водительским сиденьем нашли пистолет «ТТ», из которого был убит Вячеслав Болдин. На пистолете обнаружены отпечатки ваших пальцев. Вы это можете как-то объяснить?

– Пистолет подкинули, – устало проговорил Полунин, – это не мой.

– Возможно, что пистолет подкинули, – быстро согласился «следак», – а как вы объясните, что на нем обнаружили отпечатки ваших пальцев?

Даже для такого сильного человека, человека, привыкше-

го держать удары судьбы, это было большим потрясением. Если не найти настоящего убийцу, то доказать собственную невиновность будет ой как не просто. Если вообще невозможно. Конечно, сдаваться вот так сразу Полунин не соби-
рался, но что он может сделать, находясь в камере? Будет ли следователь, у которого фактически есть уже все доказатель-
ства для передачи дела в суд, искать еще каких-то мифиче-
ских убийц или убийцу? Опыт подсказывал Владимиру, что не будет. Оставалось надеяться, что Степин приложит все силы, чтобы выволить его отсюда.

– Это точно мои «пальчики»? – поинтересовался Полу-
нин, уже заранее зная ответ на свой вопрос.

– В этом нет никаких сомнений, – как бы с сожалением констатировал Малышев. – Ваши отпечатки есть в картоте-
ке, поэтому сравнить их было делом техники.

– Быстро работают, – пробормотал Полунин.

– Что? – не понял Малышев.

– Я говорю, молодцы, – невесело усмехнулся Владимир, –
те, кто подложил мне такую свинью.

– Так вы продолжаете настаивать, что не убивали Вяче-
слава Болдина?

– Конечно, я его не убивал, – сквозь зубы процедил Полу-
нин, – а вот те, кто это сделал, ответят мне за все. А теперь
я отказываюсь говорить, пока не приедет мой адвокат.

Глава 4

Шофер Толька прибыл с очередной партией спиртного и жареными утками. Утки были фаршированы яблоками, что придавало банному пиршеству некоторый изыск. Вот только вино приходилось пить из больших чайных чашек – персонал ли не озаботился стаканами и фужерами, или Алексею Ильичу доставляло удовольствие разыгрывать из себя простого парня, у которого все по-домашнему, без излишней помпы и показухи? Ан нет, Алексей Ильич знал в жизни толк и любым Петушкам предпочел бы в качестве места отдыха Гавайи. Потому что престижно, богато, потому что так надо. По статусу положено. Неразборчивость в сфере секс-услуг, на оплату которых он не скупился, сочеталась в нем с желанием блеснуть перед другими своим положением, награбленным добром и раболепством вышколенной obsługi. Вот и сейчас, отдавая лаконичные приказы расторопному Тольке, Алексей Ильич испытывал сладкое чувство превосходства. Две девицы, сбитые и румяные, составляли его секс-эскорт. Он держал руки на их стыдливо прикрытых простынями бедрах, лениво оглаживая их распаренные, ждущие своего часа тела.

– Классный парок, – удовлетворенно крикнул он, кивнув предварительно Тольке.

Тот мигом наполнил рюмки водкой.

– Да-а-а, – блаженно улыбнулся брюнет с восточной бородкой, – давненько так не отдыхал.

– Ну, отдохнуть мы еще успеем, нам пару вопросов перетереть надо, – Алексей Ильич поднял заплывшие глазки на брюнета.

Тот снова улыбнулся, на этот раз натянуто и неестественно.

– Я для этого и приехал, – подхватил он, – и надеюсь на то, что мы найдем друг у друга понимание.

– Ты здесь не на трибуне, – заржал Алексей Ильич, ущипнув сидевшую справа от него девушку с раскосыми глазами за задницу, та весело взвизгнула, – давай по сути.

Брюнет кинул опасливый взгляд на девушек.

– Можно, – махнул мясистой пятерней Алексей Ильич.

– Шеф хочет поиметь комиссионные, сам он ничего покупать не будет...

– Неплохие комиссионные, – с недоверчиво-ехидным видом заметил Алексей Ильич.

– Да уж, – веско сказал тот, – только не простое это дело. Надобно покумекать... Необходимы затраты и потом... сообщать надо. Этот «синий» не лапоть, к нему подход найти надо.

– Вот и ищите, – ухмыльнулся Алексей Ильич, барственно приосанившись и переглянувшись с ничего не понимавшей смазливой круглолицей девицей, сидевшей слева от него, – вы у нас мудрые. Пиарщики... Да у вас там их целый полк...

Он засмеялся, махнул рюмку, не удосужившись произнести тост или подождать собеседника. Девушки пригубили чашки с вином.

– А я что с этого иметь буду? Интересы твоего начальника меня не трогают. Мне что?

– Ты ведь зуб имеешь на этого блатного, – с оттенком подострастия улыбнулся брюнет, – ну так действуй, а мы гарантируем тебе поддержку. То есть, – немного заволновался он, – шеф обещает смотреть на все сквозь пальцы.

Закончив фразу, он осушил рюмку и потянулся за ломтиком копченой осетрины.

– Я так дела не делаю, – пренебрежительно усмехнулся Алексей Ильич, водя лапищей по своей красной волосатой груди, на которой красовался тяжелый православный крест из золота, – я не мальчик какой-то, чтобы так вот со мной обращаться. Мне тоже нужен навар.

– Эх и жаден ты! – шутливо поддел Алексея Ильича брюнет. – Да пойми, если все пойдет как надо, и ты внакладе не останешься!

В последнюю реплику брюнет вложил максимум убедительности.

– Нет уж, – рубанул горячий воздух рукой Алексей Ильич, – ты мне мозги не парь здесь. Неужто начальник твой не хочет со мной поделиться? Или все сам решил загрести? Не скажу, Шамиль, что я пуп земли, но все же вес имею, – вальяжно развалившись на деревянной лавке, произнес он

после некоторой паузы, – и твой начальник должен это знать. Я к нему, можно сказать, всей душой, а он мне просто гре- хи отпустить хочет, а к кормушке допустить боится. Так не пойдет.

– Чего ты хочешь?

– Тридцать процентов, – лукаво скосил глаза на брюнета Алексей Ильич.

– Ну ты загнул! – присвистнул Шамиль. – Я должен поговорить с шефом.

– Так говори, – раздраженно хмыкнул Алексей Ильич, тяжело поднимаясь с лавки, – трубу дать?

– У меня есть, – ответил его собеседник.

– Пошли, – грубовато скомандовал девицам Алексей Ильич, – а ты пока обкашляй мое предложение с начальником.

Он шлепнул раскосую толстуху по заду и, судорожно рас- смеявшись, буквально втолкнул девушек в парную. Они старательно изображали веселье. Но в нарочитости их визгли- вого ажиотажа отчетливо звучала обычная тоска крепост- ных, для которых время барских забав – горькое время. Они старались честно отработать гонорар, изо всех сил напрягая свои глотки и лица, – но и голоса их, и мимика, и жесты при всем показном самоуничижении выдавали их насмешливое презрение. Шамиль чувствовал эти омерзительные потуги, эти томительные попытки выразить несуществующие пре- клонение и почитание, и это заставляло его морщиться. При-

выкший к фальши вышестоящих, он терпеть не мог лицемерия простых смертных, прислуживающих этим «шишкам», ибо видел в их лстивых повадках ширму для прикрытия собственных меркантильных интересов и презрения к власти имущим. Он жаждал ясности в отношениях, а эти девицы, такие доступные и по-коровьи покорные, словно смеялись над ним. Словно им передалась хамская насмешливость их хозяина. Он досадовал на то, что Алексей приволок этих потаскух в баню и теперь вот обсуждает с ним при них важные вопросы.

– Да, слушаю, – устало отозвалась трубка, как только он набрал знакомый номер на вынутом из портфеля сотовом.

– Это я, – коротко представился Шамиль, – наш друг хочет тридцать процентов.

– Да он что, охренел! – Вялость слетела с его абонента. – Какого черта?

– Он настроен решительно, – прокомментировал Шамиль, – и слышать ни о чем не желает.

– Ладно, – усмехнулась трубка, – пообещай ему двадцать процентов. Как, интересно, он намерен контролировать объемы сделок?

– Не знаю.

– Черт с ним, пусть подавится!

Сотовый отключился. Шамиль растерянно пожал плечами, опустил трубку на стол, налил себе «Смирновки» и выпил. Закусил маринованными грибами. Из парной сквозь

шипение подбрасываемого на раскаленные камни пара до него доносился все тот же бесстыдно-плотоядный смех. Шамиль тоже был не дурак поразвлечься с девками, но выбор Алексея своей вульгарной пошлостью оскорблял его эстетический вкус. Шамиль «западал» на элитных путан, на гейш в европейском платье. И еще он не любил смешивать работу с отдыхом. Нынешнее пребывание в сауне он безоговорочно считал работой, чем-то вроде встречи «без галстуков».

Его размышления прервало шумное появление «счастливой тройки». Раскрасневшиеся, отдувающиеся, шутивно отбивающиеся от хищных лап Алексея Ильича, сначала выскочили девицы, потом возникла громоздкая фигура хозяина.

– Ха-ха! – ржал он. – Ах вы сучки! Совсем заездили старого кобеля...

Он плюхнулся на скамейку, гаркнул так, что эхо прокатилось далеко по коридору:

– Толька!

Дверь отворилась, в помещение проскользнул невысокий худощавый парень, на плече которого висело вафельное полотенце.

– Налей, – Алексей Ильич кивнул на большую бутылку минералки.

Но Толька, видимо, чего-то не понял, потому что схватил «Смирновку».

– Да не это, урод! – заорал Алексей Ильич, сделавшись грубым. – Воды, мать твою!

Только взял быстро чашку, налил минералки и поставил перед хозяином. Тот жадно припал к ней отвислыми губами.

– Хоро-ш-о, – раскатисто произнес он, ставя пустую чашку на стол. – Ну? – обратился он к попивающему «Гролш» прямо из бутылки Шамилю.

– Двадцать, – отрезал тот.

– Эк, – с насмешливой досадой качнул головой Алексей Ильич, – начальник твой не упустит случая недодать верным друзьям.

Алексей Ильич не был «верным другом» шефу Шамиля, поэтому на губах того появилась сдержанная улыбка дипломата, который, конечно, понимает, что несговорчивый собеседник лжет или преувеличивает, но который старательно делает вид, что заверения другой стороны в дружбе принимаются если и не с абсолютной серьезностью, то с добродушным лукавством. Алексей Ильич неодобрительно взглянул на собеседника и презрительно хмыкнул.

– Двадцать процентов! Я должен делать всю черную работу, платить своим людям, а он мне такие крохи предлагает, мать его! А если я откажусь от этой затеи?

– А моральная компенсация? – тонко улыбнулся Шамиль.

– Если я сам займусь всей этой прибыльной собственностью? – с едкой иронией спросил Алексей Ильич.

– Не потянешь, Ильич, не потянешь, – с видом бывалого бизнесмена произнес Шамиль.

– А вдруг потяну? Ты меня не знаешь, я ведь другому могу

свои услуги предложить... Тому, кто покруче твоего шефа будет. Что тогда?

Шамиль вздохнул и погрузился в нерадостные раздумья. Прокол в переговорах шеф, конечно, припишет его неумению лавировать, настаивать, задабривать обещаниями, его недостаточному психологическому чутью. Алексей Ильич, показав норов, испытывал что-то вроде морального удовлетворения. И хотя он знал, что в конце концов согласится, все же не хотел, чтобы его держали за лоха. Торговался он всегда, даже тогда, когда ему предлагали выгодный для него во всех отношениях контракт. В данном случае кроме денежного вознаграждения его интересовала моральная сторона дела. Он жаждал мести, причем жестокой и немедленной, и ему повезло, что нашлись люди, готовые подвести под его личное чувство солидный денежный интерес.

– Сколько ты хочешь? – угрюмо полюбопытствовал Шамиль.

Алексей с мнимой беззаботностью пожал плечами.

Шамиль взял лежащий на столе сотовый и набрал тот же номер.

– Да-а, – недовольно откликнулась трубка.

– Алексей Ильич хочет больше, он не согласен на двадцать.

Трубка разразилась колкими обидными словами, ругательствами и проклятиями. Алексей Ильич понял, что начальник Шамяля костерит его, и разразился смехом. Он с

ироничным прищуром смотрел на тупо внимающего ругательствам шефа Шамиля. Лицо последнего, несмотря на жару, покрыла бледность, он морщил лоб, хмурил брови, а то вдруг словно впадал в ступор. Это раззадоривало Алексея Ильича. Только крутился здесь же, нарежая хлеб, подливая пойло в чашки, разламывая сочные птичьи тушки. Алексей Ильич глотал водку, закусывая ее икрой, осетриной и огурцами, с великодушным терпением ожидая конца телефонного трепа. По мере того как его все больше развозило, а разговор затягивался, лицо Шамиля начинало светлеть, перестало дергаться, судорожно кривиться и хмуриться.

Алексея Ильича это настораживало. Он поинтересовался такой переменной, едва Шамиль отключил мобильник.

– Вижу, ты на глазах расцветаешь... Клевый у тебя начальник – вначале наорет, потом порадует. Что это вдруг ты так засветился? На чем вы с ним порешили?

– Двадцать пять, – с прохладцей ответил Шамиль и взялся за чашку с водкой, – но это последнее слово.

– Это уже лучше, – довольно усмехнулся Алексей Ильич, – считай, что я согласен. Но это не означает, что я буду у вас «шестеркой», – мрачно процедил он, сделав неприступно-гордый вид.

– Шеф тебя уважает, – мягко возразил Шамиль, – тебе это известно. Иначе стал бы он повышать ставки.

– А куда ему деваться? – не унимался Алексей Ильич. – Такого, как я, он не найдет. Ладно, замечано. Дело сделано,

настало время поразвлечься...

– Берешь Женьку? – небрежно спросил он Шамиля. – Она знатная мастерица...

Шамиль кивнул.

* * *

Светлана провалилась в липкое забытие. За последние два дня она спала в общей сложности не более семи часов. Никто не знал, где Владимир, и она, привыкшая к тому, что Полунин всегда ей по несколько раз звонит с работы и предупреждает, что задержится, если в этом была необходимость, не могла найти себе места. Сегодня она заснула только под утро. Антон был у ее мамы в гостях. Он весело проводил время на речке, купаясь и играя со сверстниками. Мать Светы жила неподалеку от города, держала хозяйство. Был у нее и пес Боцман, предмет обожания Антона. Он сам кормил собаку, что не могло не радовать его родителей, ведь сын приучался к ответственности. Светлана еще раз порадовалась, что мальчик в деревне, будь он здесь сейчас, замучил бы ее вопросом «где папа».

Она чувствовала себя совсем беспомощной, и если порой опасности и вообще беспокойная жизнь мужа заставляли ее собираться и быть готовой к сопротивлению трудностям, то на этот раз она с ужасом для самой себя констатировала, что отсутствие Полунина губительным образом сказалось на

ее физических и моральных силах. Тревога изматывала ее, неизвестность отупляла. Она звонила Болдину, но его не было на месте, звонила Батурину, но тот и сам ничего не знал.

Ей снилось, как они все вместе идут куда-то сквозь золотое поле пшеницы. Именно – сквозь. Потому что колося, подобно расплавленным солнцу теням, проскальзывали сквозь них, убегая назад, и игриво колыхались при этом. Жидкое золото лучей обливало их лица, выстилало разогретой парчой влекущую даль. Казалось, этому шествию не будет конца. Голоса, похожие на цоканье катящихся по металлическому подносу золотых колец, наполняли воздух звенящим смехом. Кто это там впереди? Из густого золота колосьев выросла золотая голова. Да это же Болдин! Что он там делает? Они шли и шли, поспешая смеющемуся Славке навстречу, а он все отдалялся. И тогда сердце Светланы сжала клещами непонятная боль. В ней была некая ускользающая мука, то и дело перетекающая в надежду. Она хотела позвать Славку, но увидела недовольное лицо мужа, с которого сбегала золотистая пatina лучей. Она хотела сказать Владимиру, что, наверное, Болдин их не видит, что нужно окликнуть его. Но в глубине ее сознания, едва она взглянула на Полунина, зародилось жуткое отчаяние. Она поняла, что они не догонят Славку. Тем более что он их видел, улыбался и если бы хотел встретиться с ними, то, конечно же, остановился бы или побежал к ним. Антон вырвался и полетел через поле, что-то выкрикивая на бегу. И теперь уже нужно было

бежать за Антоном. «Вернись!» – кричало нутро Светланы, в то время как голос проваливался в темную бездну немоты.

Незаметно для нее ее внутренний голос выбился наружу, вспорол синеву неба, срезал несколько колосьев и раненой птицей упал на землю. Она распахнула глаза, в горле першило, в комнате надрывался телефон.

– Да, – Светлана подняла трубку.

– Степин, – представился адвокат. – Владимир задержан по подозрению в убийстве.

– Убийстве? – воскликнула Светлана. Внутри у нее все похолодело.

– Да, – сухо подтвердил адвокат, – я еду к нему.

– Убийстве кого?

– Пока не знаю. Как только мне будет что-нибудь известно, я немедленно сообщу вам.

Из трубки полетели короткие гудки. Светлана бессильно откинулась на подушки. В мозгу заплясали странные мысли – одна страшнее другой. Она чувствовала дикую слабость во всем теле. Она вспомнила, как люди Томашевского однажды подожгли квартиру, когда она еще работала у Полунина няней, вспомнила, как полгода назад ее, Антона и Болдина похитила банда Исаева. Да мало ли чего было! А она, наивная, радовалась, что началась спокойная жизнь!

Светлана взяла трубку, чтобы позвонить Батурину, но телефон сам зазвонил. Светлана поймала себя на мысли, что боится отвечать на звонок – она страшилась дурных ново-

стей. Она справилась со страхом, поднесла трубку к уху.

– Свет, это Колян, – узнала она раскатисто-звучный голос Батурина. – Славку Болдина того... в натуре...

Он замолчал.

– Чего того? – закричала она, чувствуя, как закипает в горле комок слез. – Чего того?

Ей казалось, что она вот-вот грохнется в обморок.

– Убили, – глухо сказал Батурин.

– Не понимаю, – ужаснулась собственной растерянности Светлана, – не понимаю, как убили?

Светлана от волнения встала с дивана.

– Выстрелом в сердце, – ответил Батурин.

– Не может быть! – в отчаянии закричала она. – Не может...

Она вспомнила свой сон. Неужели она способна видеть вещие сны? Или их время от времени видит любой человек, когда подсознательно чувствует надвигающуюся опасность или коренную перемену в жизни? Светлана провела свободной рукой по глазам.

– Владимира обвиняют в его убийстве, – произнес скороговоркой, дабы не задерживаться ни на одном слогe, Батурин, тоже изрядно нервничавший. – Ну, я этим гадам покажу, мы с ребятами заставим их навоз жрать! – мстительно произнес он.

– Коля, Коля... – слезы катились у Светы по щекам.

– Не плачь, – уныло, сознавая тщету утешений, вымолвил

Батурин, – только скажи, я все сделаю... Ну-у, может, чего привезти...

– Не надо, спасибо, все есть, – через силу сказала Света.

– А этим гадам я рога пообломаю, – угрожающе процедил он, – бля буду... ой, прости... Нет, ну, в натуре, кто-то наезжает! Не знают, с кем дело имеют.

Она спала в гостиной, словно это ее местоположение могло как-то ускорить возвращение Полунина. Этакая боевая готовность. В голову лезли всякие мысли, воспоминания... И это, последнее, связанное с Болдиным, когда Владимир угрожал ему в «Оливере», приревновав к ней. Кто знал, что Славке остается жить меньше двух суток! Непоправимость происшедшего легла могильной плитой ей на плечи.

И кого обвиняют в убийстве Славки! Ее мужа, лучшего Славкиного друга. Лишившись сразу двоих, Светлана почувствовала себя маленькой девочкой, беззащитной перед играми злых взрослых. В роли взрослых выступали те люди, которые обвиняли теперь Владимира в убийстве Болдина. И те, которые все это организовали. Богатый опыт Светланы – жены независимого и богатого человека, подсказывал ей, что Владимира кто-то хочет засадить за решетку. Она ни секунды не сомневалась в том, что Полунин непричастен к смерти Славки и более того – стал жертвой чьих-то враждебных происков. Они много раз спорили с Полуниным о том, возможно ли честно жить в этой стране, возможно ли оторваться от прошлого, а в настоящем не вызывать зависти и злобы

у корыстолюбивых и жадных людей, желающих преуспеть за счет «опускания» других. Светлана не была такой оптимисткой, как Владимир, который, несмотря на свою хмурую замкнутость и неразговорчивость, несмотря на свои страдания и разочарования, сохранил в душе остатки веры в торжество добра, в возможность преображения мира, в его изменение к лучшему.

А Светлана ждала все время какого-нибудь подвоха, какой-нибудь злой проказы судьбы. Но когда Владимир, становясь вдруг красноречивым и убедительным, с горячностью юноши отстаивал свою точку зрения, свой купленный ценой таких усилий оптимизм, Светлана соглашалась с мужем. А стоило ей остаться одной, стоило Владимиру задержаться на работе и вовремя не позвонить, запоздать с сообщением, ее вера в спокойную жизнь рушилась, рассыпалась в прах, и на смену ей приходили вначале сомнение и беспокойство, а потом напал туман тревоги и безнадежности. У нее все валялось из рук, она чувствовала, что у нее сдают нервы, что она так долго не выдержит. Ее рассудительность, ее здравый смысл отступали перед палящим страхом за жизнь Владимира и Антона. Но стоило Владимиру появиться, она расцветала, становилась веселой, щедрой, шаловливой. Она вела некое двойное существование, одна сторона которого скрывалась в тени мучительного беспокойства, а другая была озарена вспышками безудержного счастья, нежности, преданности, душевного соучастия. Поэтому Светлану так задева-

ла, так огорчала ревность Владимира.

Глава 5

Дверь спальни распахнулась, и на пороге, слабо освещенные светом луны, возникли два силуэта. Две темные фигуры двинулись к кровати, на которой мирно посапывали двое – генеральный директор «Нефтьоргсинтеза» Веселовский и его молоденькая любовница Люба. Сон любовников был так глубокий и отрадный, что они не почувствовали присутствия чужих. У одного из вошедших, который был поменьше ростом, на груди мотался израильский «узи», другой, повыше и мощней, был вооружен пистолетом «макаров». На их лица были натянуты маски.

– Вставай, развратник, мать твою, – ткнул здоровяк дулом пистолета в висок спящего Веселовского, слегка склонившись над ним, – вставай, говорят!

Тот вздрогнул, испуганно заморгал, пялясь в темное лицо непрошеного гостя. Люба тоже проснулась и от страха натянула одеяло до самого носа.

– Кто вы, что вам надо? – хрипло пробормотал гендиректор.

– Бумага есть на подпись, – усмехнулся детина, – давай, – протянул он руку к напарнику.

– Какая бумага? – взбаламутился Веселовский. – Я ничего подписывать не буду. Это шантаж!

Удар ребром ладони по шее привел его в чувство. Люба

взвизгнула было, но парень, тот, что был пониже, придавил ей горло рукой. Она забарахталась, пытаясь освободиться. – Ух ты, какая горячая! – заржал бандит. – Жаль, нет времени, а то занялся бы тобой.

– Акции твои уже у нас, – холодно пояснил другой, – так что не рыпайся, а подписывай, вот здесь.

Он включил ночник, предмет гордости жены гендиректора, – она долго выбирала его и выложила за это керамическое чудо приличную сумму – и положил бумагу на прикроватную тумбочку. Потом, достав из кармана штанов авторучку, ткнул в нижнюю часть листа. Веселовский оставался неподвижным. Одной рукой он держался за шею, едва заметным движением поглаживая ее. Увидев, что гендиректор бездействует, парень, заправив пистолет за пояс брюк, грубо усадил Веселовского в постели так, что ноги того свесились, а сам он оказался рядом с тумбочкой.

– Что это?

– Договор о продаже, – снисходительно пояснил парень, – подписывай, если жизнь дорога.

– Но у меня нет с собою ничего, – растерянno промямлил Веселовский.

– Правильно, у тебя ничего нет, потому что все, что у тебя было, теперь у нас, – издевательски засмеялся парень, – а тебе остается только подписать этот договор. Понял, суслик?

– Но как... – изумился Веселовский, – как вы это сделали?

– Это длинная история, – издал удовлетворенный смешок

бандит, – а у нас со временем напряг. Подписывай, и расстанемся друзьями. А то мы ведь можем тебя заставить!

Веселовский попробовал взять себя в руки.

– Вы были у меня дома? – догадался он.

– Были, – ухмыльнулся парень, – твоя жена оказалась на редкость сговорчивой.

– Что вы с ней сделали? – вскипел Веселовский, но тут же снова получил удар, теперь уже по почкам.

Он коротко вскрикнул, застонал, повалился на постель, скрючившись в позе зародыша.

– Мы и не думали, что ты так классно проводишь время, но это даже к лучшему, – презрительно рассмеялся парень, – тут нам никто мешать не будет. А ты неплохо обжился здесь, видно, быть гендиректором очень прибыльно.

Бандит обвел взглядом уютную спальню. Веселовскому и самому нравилось его новое детище. Он наконец достроил дачу, меблировал два ее этажа, насадил виноград и провел гравийные дорожки. Люба, с которой он встречался уже два месяца, была счастлива. Приезда жены Веселовского она не страшилась, так как Вера Леонидовна отличалась ужасной тучностью, страдала одышкой и была убеждена, что ее место в квартире. Она впадала в панический ужас перед перспективой малейшего передвижения, не говоря уже о путешествии на дачу. Веселовский не настаивал, ему, считал он, с женой повезло.

– Что вы с ней сделали, изверги?! – вскричал он, едва сад-

нящая боль в пояснице начала отпускать.

Он распрямился, полный негодования и решимости отстаивать свои права. Но тут же снова упал на постель, дико вскрикнув. Теперь он получил мощный «хук» в живот. Он валялся на влажной от пота простыне, судорожно ловя воздух открытым ртом. Люба заплакала.

– Заткнись, сука! – Бандит ударил ее по щеке наотмашь. – А то дырку в башке сделаю.

Онемевшая от ужаса Люба умолкла, округленными глазами пялясь на темное лицо подонка. Она видела, как в прези шевелятся губы, выплевывая ругательства и угрозы, и ей казалось, что все это происходит с ней во сне.

– Ну, – выжидательно и мрачно посмотрел на скулившего Веселовского командир, – будешь подписывать?

– Да, – прохрипел он, – воды, дайте воды.

– Обойдешься, – процедил парень с «макаровым», – вставай давай, хватит из себя барышню корчить. Бери ручку!

Веселовский медленно поднялся.

– Она жива? – поднял он глаза на бандита.

Тот с неумолимой жестокостью рассмеялся ему в лицо.

– В багажнике отдыхает, – ответил парень.

– Что-о?! – как укушенный взвыл Веселовский.

– Да пошутил я, – засмеялся бандит, – разве такую корову в багажник упакуешь?

– Можно мне ей позвонить? Если дадите, я все подпишу... – взмолился Веселовский.

– Да что ты с ним возишься! – нетерпеливо воскликнул парень с «узи».

– Тебе слова не давали, утхни! – одернул его командир. – Звони, – обратился он к гендиректору, – так и быть. Но если дурковать будешь, смотри у меня...

Он покрутил «макаровым» перед самым носом у Веселовского. Последний взял лежавшую на тумбочке трубку.

– Дай сюда, – приказал бандит, – и диктуй номер.

Веселовский продиктовал свой домашний номер. Вскоре парень передал ему трубку, и он услышал тревожно-взбужденный голос жены:

– Да-а, да-а...

– Это я, Вера, – задыхаясь от волнения, произнес Веселовский, – они у меня. С тобой все в порядке?

В ответ раздался надсадный плач. Потом одышка дала о себе знать, и Вера Леонидовна захрипела, глухо застонала и заохала.

– Они вырвали силой, угрожали... Сказали, что, если я обращусь в милицию, нам будет крышка.

– Успокойся, родная, – дрожащим голосом сказал Веселовский. – Все будет хорошо, главное, ты цела...

Бандит вырвал у Веселовского трубку и отключил телефон. Участливо-жалеющий, проникновенный тон Веселовского вызвал у него издевательский смешок.

– Видела б она тебя сейчас, – произнес бандит презрительным тоном, – ну все, шутки в сторону, подписывай!

Веселовский взял трясущимися руками договор. Надев очки, лежавшие тут же на тумбочке, пробежал его глазами. Что-то случилось со зрением – ничего не видно. Буквы расплывались. Он делал отчаянные попытки справиться с собой, унять бьющую его дрожь. А что же Полунин? Веселовский весь напрягся. Мысль о Полунине взбодрила его. Он вдруг почувствовал себя отчасти защищенным, и хотя Владимира Ивановича сейчас рядом не было, все же его образ, всплывший в затуманенном страхом и отчаянием сознании Веселовского, овеял безысходность ситуации надеждой на спасение. Но надежда тут же погасла, едва он вспомнил, что Полунин куда-то пропал. Веселовского отсутствие Полунина сильно волновало, но он крепился, полагая, что оно вызвано какими-то личными соображениями Владимира Ивановича. Когда же ему позвонила встревоженная Светлана, Веселовский здорово поразился и забеспокоился. А что, если Полунин стал жертвой новой войны за передел предприятия?

Он внимательно, рискуя получить очередной удар по щекам или в челюсть, посмотрел на вымогателя. Три прорези – две для глаз и одна – для рта – не давали возможности разглядеть бандита.

– Чего уставился? – Парень долбанул Веселовскому кулаком в челюсть и разбил ему губу.

Гендиректор принялся стирать кровь, испуганно косясь на бандита.

– Пиши, мать твою, не то зубы выбью! – заорал парень,

махая в воздухе пистолетом.

Веселовский напряг зрение. В документе говорилось, что он, Веселовский, продает пятипроцентную долю комбината «Нефтьоргсинтез» фирме «Трейд-сервис». У Веселовского не было сомнений, что это какая-то липовая контора.

– А деньги? Здесь указана сумма...

– Тебе еще и деньги? – усмехнулся командир. – Ты платишь своим спокойствием.

– Но... – растерянно завращал глазами Веселовский, – это ж грабеж!

– А ты думаешь, мы с тобой пришли сюда в бирюльки играть. Не канючь, подписывай.

Веселовский сдался. Он решил подписать. Черкнув свою подпись, он протянул документ своему мучителю. Парень посмотрел на лист и удовлетворенно хмыкнул. Он взял документ и, осторожно сложив его вчетверо, сунул в карман бесформенных шорт.

– Ну, живи, дядя, – усмехнулся он, – ментов впутывать не советую, не то ты и твоя баба будете кормить червей на кладбище.

Они исчезли так же бесшумно, как и появились. Веселовский схватился за голову. Он уже не обращал внимания на текущую из губы кровь, которая капала на простыню.

– Дай-ка я вытру, – пришедшая в себя Люба решила поухаживать за Александром Михайловичем.

– Оставь, – отшвырнул он ее руку, – я разорен, я разорен!

Он сидел на кровати, раскачиваясь из стороны в сторону, как буйнопомешанный. Мысли его снова вернулись к Полунину. Неужели их ждал такой вот конец? Неужели все сделанное ими пойдет прахом? Кто эти люди, задумавшие завладеть «Нефтьоргсинтезом»? В том, что за этой акцией последуют новые разбойные дела, у Веселовского сомнений не было. Он был научен горьким опытом. Слишком лакомым куском было их предприятие. Даже такой крутой московский чиновник, как Томашевский, пытался однажды подмять под себя завод. Веселовский верил только в то, что «спасение утопающих – дело рук самих утопающих», поэтому не переставая думал о Полунине. Где он? Жив ли, и если жив, чем занимается? Представить себе Владимира бездеятельным Веселовский не мог. И все же у него закралась мысль: уж не похищен ли Полунин? Может, его держат в каком-нибудь сыром подвале?

Люба хотела было уйти, но, вспомнив, что за окном ночь, передумала. Перспектива же ожидания рассвета в компании с этим спятившим от отчаяния начальником ее тоже пугала. Не придя ни к какому решению, она свернулась калачиком, повернувшись лицом к окну, и закрыла глаза. Тупое бездействие сковало ее. Но в голове с отчаянной быстротой защелкало: если он, как он говорит, разорен, то это значит, что теперь ему будет нечем платить ей, следовательно, она даром теряет с ним время. Завтра она расстанется с Александром, без денег он ей неинтересен.

Вернувшись в камеру, Полунин забрался с ногами на кровать и прислонился к стене. Он сидел, глядя прямо перед собой, и ничего не видел. «Славка, Славка, как же это ты?» – крутилась в голове неотвязная мысль. Владимир ругал себя за ту вспышку в ресторане, понимая, что запоздалые рассказы делу не помогут. Никто теперь не вернет жизнь Болдину, но за его смерть должен кто-то ответить! Он не заметил, как к нему на нары подсел Ходуля.

– Ну как, Седой? – вывел он Полунина из задумчивости.

В руках Ходуля держал запотевшую бутылку минералки, которую протягивал Владимиру.

– Спасибо, хреново, – Полунин взял бутылку и осушил ее до дна. – Слушай, – ему в голову вдруг пришла одна идея, – нужно мне узнать кое-что, поможешь?

– Смотря что, – хитро осклабился Ходуля, польщенный тем, что может оказаться полезным авторитетному человеку. И хоть Полунин не был вором в законе и даже воровским авторитетом в полном смысле этого слова, но определенным и довольно большим уважением в кругах «синих» пользовался. Тюремная почта наверняка уже разнесла весть, что московский вор в законе Мирон является чуть ли не другом Седого, что было дополнительным аргументом в пользу Полунина.

– Нужно найти человечка одного, – взглянул на Ходулю Полунин, – естественно, не задаром.

– Ладно, Седой. – Ходуля сделал рукой неопределенный жест, как бы говоря: «Какие счета между своими?» Но в душе обрадовался представившейся невзначай возможности срубить капусты. – Как его кличут-то, человечка этого?

– Он «синий», – сказал Полунин. – Только предупреждаю, он не должен узнать, что я его ищу, иначе может сдернуть со своего лежбища. Если подкинешь мне ниточку – получишь две штуки баксов.

Владимир понял, что не зря заговорил об оплате, когда увидел, как Ходуля тщетно пытается скрыть удовольствие.

– Еще должен сказать, – добавил он, чтобы Ходуля не слишком-то обольщался, – что человек этот не самый последний среди местных воров. Если откажешься мне помочь, я не буду на тебя в обиде.

– Говори, Седой, чего воздух без толку сотрясать. Я тоже здесь не последний.

– Меченый, – наклонившись к Ходуле, прошептал ему Полунин в самое ухо.

Медленно подняв глаза, Ходуля долго смотрел на Полунина. Поняв, что тот колеблется, Владимир отвернулся и посмотрел на пустую облезлую стену. Ходуля действительно межевался. Запросто срубить две штуки баксов было, конечно, заманчиво, но он вполне отдавал себе отчет, кто такой Леша Меченый. Если у Седого что-то сорвется – а Ходуля

не знал, что именно затевает Полунин, – Меченый не простит тому, кто навел Владимира на его «лежку». С другой стороны, если сделать все осторожно, можно после отсидки несколько месяцев спокойно жить на бабки, которые предлагал ему за услугу Седой. В честности последнего Ходуля несколько не сомневался, а вот о Меченом всякие слухи ходили. Были даже базары, что он не выполняет решений общего сходняка. В крайнем случае можно от всего откреститься, решил Ходуля.

– Ну как? – Выдержав паузу, Полунин повернулся к хитрому зэку.

– Я согласен, Седой, – для большей убедительности Ходуля кивнул бугристой головой, – ты только скажи, когда тебе нужен результат?

– Я не тороплюсь, – холодно усмехнулся Владимир, – а если нужда отпадет, то я тебе дам знать. Запомни только, мне все равно, как ты это собираешься делать, но никто не должен знать, что Меченого кто-то ищет, в том числе и он сам. Ну а за скорость я увеличу оплату вдвое.

Глаза Ходули вспыхнули новым огнем, но он все же решил утрясти все конкретно. Теперь они уже говорили, не стараясь приглушать голоса, потому что Бычок с Ситом все равно ничего бы не смогли понять.

– Давай все-таки перетрем поконкретнее, Седой, – выдохнул Ходуля, – чтобы ты потом не отказался от своих слов. То есть, блин, я не то брякнул, – быстро поправился он, поняв,

что сморозил глупость. – Я имею в виду, что справки я буду наводить по-любому, а если ты после этого заявишь, что такой необходимости больше нет, что тогда?

– Значит, так, – вслух размышлял Полунин, – сможешь выяснить все за месяц, получишь все, что я обещал, со своими процентами. Если просто дашь наколку, а не конкретное место – будут тебе твои две штуки. Заметано?

– Заметано, Седой, – улыбнулся Ходуля, уже представляя, как шуршат у него в кармане зеленые банкноты, – я твоему слову верю.

– Только не забывай, о чем я тебя предупреждал, – пристально посмотрел на него Владимир.

– Я же не лох какой! – пожал плечами Ходуля, вставая с койки. – Все будет в лучшем виде.

Он вернулся на свое место, взял полотенце и, смочив его под краном, принялся обтирать лицо и тело. Закончив водные процедуры, устроился на нарах и принялся обдумывать, как выполнить заказ Седого.

* * *

Владимир уже не ждал, что появится надзиратель и отведет его к адвокату, потому как все сроки посещений миновали. Надеясь, что адвокат уже принял все возможные меры и появится завтра с утра, Полунин намочил под краном голову и грудь и улегся на нары, пытаясь заснуть. Сон не шел.

Повинна ли в том была несусветная жара или его новый статус, Полунин не думал. Он просто хотел расслабиться. Он даже перестал размышлять, кто убил Славку Болдина и пытается запрятать его, Полунина, за решетку, а просто лежал, давая отдых душе и телу. Владимир знал, испытал на себе, что, поставив перед собой трудную задачу, нужно дать мышцам и мышцам покой и тогда откуда-то из глубин подсознания нужный ответ всплывет как бы сам по себе, без особых усилий.

Глава 6

Сразу после завтрака его, как он и ожидал, отвели в ту самую комнату, где вчера его допрашивал Малышев. Только вместо него там теперь находился Степин. Денис Григорьевич, хоть Полунин и сорвал его с отдыха, выглядел неплохо. Его загорелое полноватое лицо не было радостным, но сияло здоровым оптимизмом.

– Добрый день, Владимир Иванович, – с энтузиазмом приветствовал он Полунина. – Не будем терять времени – следовательно, мать его, дал нам на совещание с вами только двадцать минут. Кстати сказать, не самый плохой следователь, – вставил он.

Владимир не стал с ним спорить. К удивлению Полунина, Денису Григорьевичу, несмотря на то что прилетел в город он только вчера вечером, удалось уже многое сделать. Владимир не стал выяснять, как именно Степин умудрился отыскать нужных людей чуть свет. Собственно, за пронырливость и компетентность он и платил ему немалые деньги.

Тот доложил Полунину, каким образом, по мнению экспертов, был убит Вячеслав Болдин. Выстрел был произведен в упор, с расстояния не более пятидесяти сантиметров. Об этом говорил тот факт, что на рубашке Болдина остались следы пороха. Очень незначительные, правда, следы, но не слишком разбросанные. Отсюда эксперты делали вывод, что

во время выстрела на пистолете был глушитель, это подтверждалось и тем, что никто из соседей не слышал звука выстрела.

Степин объяснил Полунину, почему он начал именно с обстоятельств смерти Болдина – его клиента обвиняли именно в этом. Он встретился с Малышевым вчера, сразу же после своего приезда, и, когда тот пересказал ему суть своей беседы с Полуниным, понял, что спасти Владимира лучше таким способом. Улики против Полунина были серьезными, но все же косвенными, поэтому Степин собирался показать всю их несостоятельность, раз уж у Владимира Ивановича не было алиби. Искать же людей, похитивших и удерживавших Полунина, в данный момент было бы только потерей времени. Это не могло бы принести Полунину желанной свободы. Владимир полностью согласился со Степиным, решив, что своих обидчиков, а самое главное – убийц Болдина, он все равно рано или поздно отыщет и покарает.

– Ты вот что, Денис Григорьевич, – Полунин жестом остановил адвоката и наклонился к нему поближе, – все, что ты сделал, это хорошо и здорово. Я тебя ни в чем не упрекаю, просто объясняю ситуацию. Против меня кто-то замыслил масштабную акцию. Не знаю, что у них получится, но первой задачей на сегодняшний момент является свобода. Мне необходимо выбраться отсюда любыми способами. Сделай это, и потом будем думать, как решить оставшиеся вопросы.

– Так ведь, Владимир Иванович, – с сожалением произнес адвокат, – статья-то убойная, боюсь, что с освобождением ничего не получится.

– Ты пробовал подавать ходатайство? – Еще нет.

– Так сделай это немедленно, – тихо, но упрямо проговорил Владимир. – Я не могу здесь оставаться ни одной лишней секунды.

– Сделаю, Владимир Иванович, – заверил его Степин.

Упорство, с каким Полунин хотел вырваться на свободу, подстегнуло адвоката.

– Давайте теперь, Владимир Иванович, – кивнул он, – обговорим конкретные детали. Я так понимаю, что ваши отпечатки обнаружили на оружии, из которого был убит Болдин? – Да, обнаружили, – Полунин резанул воздух ребром ладони, – но пистолет не мой. Если бы они нашли мой ствол, было бы гораздо хуже. Нужно попытаться на этом сыграть. Я так думаю, что пистолет, уже после того, как из него застрелили Славку, сунули мне в руки.

– А вы об этом не знаете? – Степин поднял на него глаза.

– Не знаю, блин, не знаю, – крикнул Полунин, – меня накачали наркотиками.

– Понятно, – кивнул Степин, – дальше.

– Мой «Крайслер», который я оставил неподалеку от «Бригантины», куда-то исчез. Нужно узнать, где его обнаружили и как он там оказался. Нужно найти следы тех людей, которые его угнали. Конечно, маловероятно, но вдруг об-

наружатся чьи-нибудь отпечатки пальцев, кроме моих. Потом, – Полунин перевел дух, – ищи свидетелей. Не мог никто не заметить такую машину, все-таки не «Жигули» какие-нибудь. Тебе, Денис Григорьевич, придется выступить в данной ситуации и в качестве детектива, так сказать. Если будет нужна какая-нибудь помощь, смело обращай к Батурину или Фиксатому, они все организуют.

– К кому? – не понял адвокат.

– К Мухину, Денис Григорьевич, к Мухину, – улыбнулся Полунин.

– Ага, – кивнул Степин и записал номера телефонов, которые ему продиктовал Владимир.

– Ну что, – в комнату неожиданно вошел Малышев, – все успели обсудить?

Он не стал дожидаться ответа, а прошел к своему столу, устроился там и раскрыл папку с документами.

– Ладно, – Полунин не стал возмущаться тем, что им предоставили не слишком много времени, решив, что адвокат у него опытный и сам должен знать что к чему, – мы готовы.

– Тогда продолжим.

– Я бы сразу хотел подать ходатайство, – заявил Степин, присаживаясь на свободный стул, который предусмотрительно был принесен в комнату.

– Пожалуйста, – согласился Малышев.

– Я все, конечно, оформлю надлежащим образом, – про-

должил Денис Григорьевич довольно резво. – Думаю, что моему клиенту можно было бы изменить меру пресечения.

– Вряд ли, – пожал плечами Малышев, – учитывая серьезность статьи, по которой ему предъявлено обвинение...

– Но ведь прямых доказательств, как я понимаю, нет. Пистолет, который обнаружен в машине Владимира Ивановича, был ему подброшен.

– Кстати, – заметил Полунин, – мой «ПМ», если вы еще его не нашли, должен быть в «Крайслере», под приборным щитком.

По реакции следователя он понял, что пистолет еще не обнаружили.

– Еще я бы хотел узнать, где отыскиали мою машину?

– Она была на одной из платных стоянок в Заводском районе, – сказал Малышев после небольшого раздумья. – Вы хотите сказать, что не знали об этом?

– Вот именно, – кивнул Полунин. – Я уже говорил вам, что оставил ее возле «Бригантины», откуда меня и похитили.

– Я думаю, – встрял в разговор Степин, – что, учитывая заслуги Владимира Ивановича перед областью и его авторитет в высших эшелонах власти, – вы должны знать, что замминистра топливной промышленности делает на завод «Нефтьоргсинтез» большие ставки, – нам следует все же обсудить изменение меры пресечения моему клиенту на подписку о невыезде. Тем более мы убедились, что прямых улик...

– Возможно, мы поговорим об этом позже, – прервал его Малышев. – В любом случае это буду решать не я, вернее, не я один.

– Тогда вам нужно как можно скорее связаться с вашим руководством, – дипломатично улыбнулся Степин, – или с теми людьми, – добавил он, – от кого зависит данное решение. Возможно, мы могли бы обсудить сумму залога. – Степин взглянул на Полунина и, поймав его одобрительный взгляд, продолжил: – Плюс ваши личные комиссионные. – Он снова перевел взгляд на Малышева.

Лицо «следака» и без того было распаренным от невыносимой духоты, но после фразы Дениса Григорьевича стало еще краснее. Адвокат понял, что не нужно было делать такого необдуманного предложения, тем более в стенах этого заведения, где в каждой комнате могли быть вмонтированы прослушивающие устройства. Он на секунду замолчал, прокручивая в мозгу возможную реакцию Малышева, но, не дав ему ничего сказать, снова заговорил первым.

– Я имел в виду, так сказать, нематериальные комиссионные, которые возникают, зарабатываются, просто говоря, ответственностью и взаимопониманием, – закрутил Степин. – Представьте, что мой клиент никого не убивал, а он действительно никого не убивал. Тогда, если этот факт выяснится на суде, вы попадете в некрасивую ситуацию. Люди, перед которыми Владимир Иванович имеет определенные обязательства, люди, обладающие большой полнотой власти, – о них

мы уже вели речь – просто вас не поймут. С другой стороны, – Денис Григорьевич вытер платком пот со лба и шеи, – если вдруг и случилось такое, что, повторюсь, невероятно, что мой клиент убил Вячеслава Болдина, то, даже будучи выпущенным на свободу, он никуда не сможет убежать. Знаете ли, – Степин возвел очи горе, – такие ценности просто так не бросают. К тому же у Полунина здесь жена и ребенок, которые будут гарантом его явки в суд, если следствие сможет собрать доказательную базу.

Денис Григорьевич вздохнул, решив, что сумел выкрутиться из неудобного положения, в которое сам же себя и поставил, да еще и с прибылью.

«Следак» закашлялся в кулак, пытаясь осмыслить тираду Степина. Малышев не первый год работал в прокуратуре, но на нынешнюю свою должность был назначен чуть более трех месяцев назад. Конечно, он был наслышан о происках бывшего начальника милиции, бывшего начальника налоговой инспекции и бывшего главного прокурора области, которые, создав преступное сообщество, собирались взять под контроль всю власть и все потоки денег в регионе. Были у него и неофициальные и полуофициальные источники, благодаря которым он знал о роли Полунина в разоблачении этого тайного заговора. Только факт оставался фактом – на пистолете, найденном в машине Владимира Ивановича Полунина, обнаружены отпечатки его пальцев. Теперь, когда у его клиента был адвокат, Малышев мог действовать только соглас-

но букве закона, что он и собирался делать. Виктор Андреевич, собиравшийся было вспылить из-за предложения Степина, теперь находился на распутье. То, что сообщил ему адвокат, действительно имело место быть, и поддержка у Полунина была. Но ведь и противостояние ему кто-то оказывает, раз сумели организовать такое дело. В том, что улики не подтасованы, Малышев уже начал сомневаться, но не мог он просто так взять и выпустить подозреваемого, тем более подозреваемого в убийстве. Если Полунин исчезнет во время следствия, начальство с Малышева голову снимет. Здесь нужно было действовать наверняка, а не наобум, поэтому Виктор Андреевич решил несколько повременить с изменением меры пресечения, а за это время представить себе картину в более полном виде, для чего необходимо было собрать как можно больше информации и улик.

– Так вы согласны ответить положительно на наше ходатайство? – принялся давить Степин, видя, что Малышев колеблется. – Тогда я быстренько подготовлю все необходимые документы.

– Давайте не будем так спешить, – Малышев достал сигарету и закурил, – сперва я хотел бы выяснить кое-какие детали.

– Как это не будем спешить? – Адвокат словно не заметил последнюю часть фразы Малышева. – Вы так говорите, как будто мой клиент находится не в тюрьме, а в санатории. Нам нужно очень поторопиться, чтобы Владимир Иванович

как можно скорее оказался на свободе, тогда он тоже сможет оказывать вам самую действенную помощь в разоблачении настоящих преступников.

– Вы можете готовить документы, – вздохнул Малышев, – но я бы хотел все же продолжить допрос. С ваших слов выходит, – повернулся он к Полунину, – что в день, когда вас якобы похитили, у вас была назначена встреча с господином Шульцем.

– Именно так, – согласился Полунин.

– Так вот, – продолжил Малышев, – вчера я разговаривал с Шульцем, и он подтвердил ваши показания.

– Что и требовалось доказать, – быстро вставил адвокат.

– Только это нам ничего не дает, господин Полунин, – Виктор Андреевич стряхнул пепел с сигареты, – Шулец в тот день вас не видел.

– Значит, – снова вклинился Степин, – нужно найти свидетелей, которые могли видеть машину Владимира Ивановича возле кафе «Бригантина» в воскресенье, около двадцати одного часа.

– Попробуем сделать это, – кивнул Малышев.

– Понимаете, Виктор Андреевич, – улыбнулся Степин, – с точки зрения здравого смысла нельзя объяснить действия моего подзащитного. Получается, что, имея свое оружие, он застрелил своего друга из другого пистолета и оставил его в своей же машине, которую бросил на стоянке. Полнейший абсурд, согласитесь.

– Но ведь мотив у него был. – Малышев скосил глаза на Полунина.

– Да господи, какой же это мотив? – всплеснул руками адвокат. – Два приятеля немного повздорили – с кем не бывает?

– И не всегда, – продолжал бубнить Малышев, – логика действий убийцы лежит на поверхности. Часто действительные мотивы преступления скрыты от наших глаз.

– Вы совершенно правы, – поддержал его Степин, – и ваши рассуждения заслуживают всяческих похвал, но только не в случае с моим клиентом. Посмотрите, разве он не производит впечатление психически абсолютно здорового человека?

– Ваш абсолютно здоровый клиент чуть из меня душу не вытряс, – скорчил недовольную физиономию Малышев.

– Его поведение только подтверждает мои слова, – обрадованно воскликнул Степин. – Он реагировал так, как наверняка прореагировали бы вы или я, если бы слышали, что нас обвиняют в том, чего мы не делали. И не забывайте, что в случае с Полуниным речь шла о его лучшем друге, которого кто-то убил!

«Следак» криво усмехнулся, в душе соглашаясь со Степиным.

После второго звонка Степина, сообщившего подробности задержания Полунина и заверившего Светлану, что прямых улик против него нет и дела не так уж и плохи, она почувствовала настоятельную потребность выйти на улицу. Жара стояла удушающая, но Света, вместо того чтобы дышать прохладным кондиционированным воздухом в квартире, решила выйти на залитый солнцем тротуар, ибо стены давили на нее и она была не в силах оставаться наедине со своей мукой. В ней поселилось теперь беспокойство другого рода – она не могла усидеть на месте, ожидая освобождения Полунина. Хотя все говорило за то, что ее мужа в очередной раз подставили, а раз так, значит, его освобождению будут мешать, ибо кому-то выгодно, чтобы Владимир находился за решеткой.

Она выскочила из квартиры и полетела по направлению к набережной. Словно там, в тенистых аллеях, под густой листвой вязов могла найти успокоение. Она не заметила, как из стоявшего возле арки, через которую она только что прошла, серого «БМВ» с тонированными стеклами вышли двое крепких парней и пошли за ней. На одном были широкие зеленые шорты, на другом – темные спортивные трико. Догнав ее, они осторожно, но настойчиво взяли ее под руки.

– Не шуми, – ей в бок уперлось дуло пистолета, – будь па-

инькой. Кое-кто хочет с тобой поговорить, там, в машине, – парни развернули Светлану и повели ее к «БМВ».

Светлану посадили в машину на заднее сиденье. И тут же завязали глаза.

– Здравствуйте, Светлана Семеновна, – услышала она спокойный сытый голос сидевшего на переднем пассажирском сиденье мужчины, – извините за такие не совсем стандартные методы, – усмехнулся он, – но мы вынуждены действовать решительно и быстро.

Светлана не могла видеть лица говорящего, но по интонации догадалась, что он не бандит, слишком сытым и спокойным был его голос. В этом голосе не было садистского нетерпения и жестокости. Он отличался вибрирующе-бархатистыми нотами. Это ее обеспокоило – теперь она знала наверняка, что бандиты, втолкнувшие ее в машину, выполняют приказ человека, не входящего в их круг. Ее не покидало ощущение, что голос мужчины был ей как бы знаком, но вот где она могла его слышать, она не знала. А может, ей только показалось, что она где-то уже слышала этот медленный, уверенный и даже какой-то благожелательный баритон.

– Что вы хотите от меня? – спросила она, стараясь выдержать ровную интонацию.

– Деловой подход, сразу видно, жена бизнесмена... – с насмешливым благодушием откликнулся мужчина.

– Это вы убили Болдина, – выпалила Светлана, – а вину свалили на моего мужа, негодяи... Ее голос дрожал от воз-

мушения, к горлу подкатил комок слез.

– Упаси нас бог, – с сожалением в голосе произнес мужчина.

Светлана чувствовала, что он сожалеет не о смерти Славки, а о ее прорвавшихся на волю эмоциях и упрямстве.

– У нас к вам предложение, Светлана Семеновна, – как ни в чем не бывало продолжал мужчина, – нам известно, что вам принадлежит пятипроцентная доля «Нефтьоргсинтеза». Так вот, дабы избавить вас от бремени ответственности, – усмехнулся он, – мы предлагаем вам продать ее нам. В обмен на это мы гарантируем вам безопасность вашу и вашей семьи. В противном случае пострадает ваш муж, да и вам не сладко придется. Подумайте о вашем приемном сыне...

– Понятно, – холодно сказала Светлана, – вы решили нас шантажировать.

– Это деловое предложение. Мы подготовили документ, вам остается только поставить вашу подпись. Заметьте, мы ничего у вас не отбираем, мы покупаем, – мужчина выделил интонацией последнее слово.

– У меня дома ничего нет, а если бы даже что-то и было...

– Что ж, – с нарочитой грустью вздохнул мужчина, – тогда нам придется предложить вам проехать с нами...

– На каком основании? Это незаконно! – гневно воскликнула Светлана. – Вы меня похищаете?

– Знаете, как это делается? Представьте себе, – бесстрастно говорил мужчина, – мы колем вам наркотики, потом, мир-

но спящую, оставляем где-нибудь на улице, а поспешающий вам на помощь страж порядка находит у вас несколько граммов героина. Или другой вариант: вас сажают в темный сырой подвал, кругом пахнет плесенью, крыски бегают под ногами... И вот вы сидите и думаете, а может, лучше было продать эти чертовы пять процентов и отдохнуть где-нибудь на Гавайях?

– С учетом погоды, сырой подвал может соблазнить любого, – с иронией сказала Светлана, которая, поняв, что ситуация осложняется, испытывала что-то похожее на веселое отчаяние, – а вот наркотики – это особенно мерзко. И вы еще будете говорить, что не убивали Болдина!

– Ну ты, сучка недотраханная, – сделался вдруг грубым мужчина, – остроумничать вздумала? Где бумаги?

– У меня их нет, – насмешливо сказала Светлана, – реально ими распоряжается муж.

– Обьелся груш, – злобно процедил мужчина. – Так вы отказываетесь заключать с нами сделку?

– Отказываюсь, – с вызовом ответила Светлана.

– Я думал, вы умнее, – с сожалением произнес он, – думал, что инстинкт самосохранения в вас превышает меркантильные соображения.

– А у вас он напрочь отсутствует, – с усмешкой парировала Светлана. – Вы не знаете, с кем связались!

– Сколько пафоса! – насмешливо зацокал языком мужчина. – Только он, голубушка, неуместен в данных обстоя-

ательствах. Наигранно, я бы сказал. — До этого сидевший неподвижно, он закурил, достав лежавшую в бардачке пачку «Пэлл-Мэлл».

— Вы не имеете права удерживать меня силой! — вскипела Светлана. — Выпустите меня!

— А вы продадите свою долю завода?

— Нет, — Светлана решила до конца придерживаться одной линии, она знала, что борется не за завод, а за Владимира.

— Поехали, — бросил мужчина. — Заклей ей рот, —скомандовал он сидевшему рядом со Светланой парню в шортах, тот, что был в трико, сидел за баранкой.

Напрасно Светлана вырывалась, рот ей залепили скотчем. Машина мягко тронулась. Метров через сто она остановилась.

— Везите ее в условленное место, — небрежно сказал мужчина, — я позже позвоню. Глаз с нее не спускайте. И никакой самодеятельности, — веско добавил он.

Хлопнула дверца. Светлана поняла, что мужчина, говоривший с ней, вышел. Итак, она осталась одна с бандитами. Те не отличались разговорчивостью, ехали молча. Примерно через полчаса прибыли на место. Светлану вывели из машины и втолкнули в какое-то помещение. В нос ей ударил запах сена. Развязали повязку. Она стояла посреди сарая, где вместо постели была навалена гора соломы. Под находящимся под самым потолком окном стоял старый бидон из-под молока. Ей связали руки, прежде чем она успела сделать пару

шагов.

– Вот, – удовлетворенно хмыкнул парень в шортах, – посиди, подумай, авось чего надумаешь.

Бандиты покинули сарай, заперев дверь снаружи. Оставшись в одиночестве, Светлана подошла к куче соломы и неловко села. Ее пронизала, точно молния, мысль о том, что вдруг она больше никогда не увидит Полунина! Ее затрясло, точно в лихорадке. Что же это, из-за каких-то отморозков рухнет вся ее жизнь?!

Сколько она здесь просидит? День, неделю, месяц? А может, это место станет для нее последним местом при жизни? Теперь, несмотря на жару, ее бил озноб. А что, если пойти у них на поводу, – размышляла она, – что, если продать свою долю завода? Если ее отпустят, она сможет помочь Владимиру если и не действием, то своим присутствием. А сидя здесь, что она выигрывает? Если его убьют, то зачем ей вообще после его смерти нужны будут эти пять процентов. Что же, все-таки продать? А где уверенность, что они сохранят ей жизнь? Нужно потребовать гарантий. Но какие гарантии они могут дать? Она вспомнила снисходительно-холодный, а потом откровенно враждебный голос разговаривавшего с ней в машине мужчины.

Но как только она представила, что Полунина освобождают, а она не может обнять его, не может перекинуться с ним словом, кровь ударила ей в голову и она уже не могла связно и деловито думать о перспективах такой продажи. Что будет

с «Нефтьоргсинтезом» – было уже на втором месте, на первом – возможность находиться рядом с мужем. Но он сам, как он взглянет на то, что она продала принадлежащие ей акции? Конечно, он одобрит ее действия, она не сомневалась, что Полунин пойдет на все, пожертвует всем, лишь бы она была жива и свободна. Но она сама-то, не будет ли она себя позже упрекать, что продала бумаги, испугавшись за свою жизнь?

Спустя час парень в шортах, отперев замок, принес ей в кружке воды, а на тарелке кусок колбасы и пару желтоватых помидоров.

Глава 7

Светлана не знала, сколько прошло времени с тех пор, как она задремала. Проснувшись, она удивленными глазами обвела помещение, в котором находилась, словно недоумевала по поводу того, как она тут оказалась. Потом память вернула ее к действительности, и она снова ужаснулась своему отчаянному положению. Незнание было хуже всего. Она представила себе, как в пустой квартире надрывается телефон, как Степин теряется в догадках: куда она запропастилась, как он сообщает Полунину, что ее нет дома, и как последний тревожится. А у него ведь самого положение пиковое. А если даже Степин проявит такт и не скажет Полунину, что ее нет на месте, по лицу адвоката Владимир может сам обо всем догадаться. И это только усилит его мучительное беспокойство.

Не в силах больше оставаться в этом сарае, волнуясь за Полунину, Светлана встала с соломы и, подойдя к двери, затрясла ее что было мочи. На шум никто не приходил. Она стала колошматить в дверь ногой с ожесточенным отчаянием. Куда они подевались, эти олухи? Наконец она услышала звук шагов и приглушенное недовольное бормотание.

– Ну, чего тебе?

– Откройте, я передумала! – выпалила она.

– Вот так-так, – удивленно откликнулся парень, отпира-

ющий засов, который открылся с глухим лязгом, пропуская бандита в сарай.

– Я продам вам то, что вы требуете, – повторила Светлана, – но мне нужны гарантии безопасности.

– Эк чего, – почесал в затылке флегматичный детина в шортах, который, видимо, не ожидал такого быстрого разрешения проблемы.

– Вы можете позвонить своему шефу?

– А как же! Он обрадуется, честно скажу. – Парень снял с пояса сотовый и набрал номер. – Это я, – пробубнил он в трубку. – Наш клиент согласен. Чего? Ага... На, – протянул он мобильник сгорающей от нетерпения Светлане.

– Да, – поднесла она трубку к уху, – я сделаю, как вы скажете, но мне нужны гарантии, что меня отпустят.

– Никаких таких гарантий я дать не могу, – резким тоном произнес мужчина, разговаривавший с ней в машине – Светлана сразу узнала его голос, – но подумайте сами, – смягчился он, – зачем нам вас удерживать? Если вы согласны пойти нам навстречу, уверяю вас, мы сделаем то же самое. Где документы?

– В депозитарии одного банка, – уклончиво ответила Светлана.

– Какого? – с наигранным безразличием поинтересовался мужчина.

– Этого я вам не скажу. Давайте поступим так: я еду с вашими людьми в банк, они забирают бумаги, а меня отпуска-

ют, договорились?

– Вы – упрямая женщина, – натянуто рассмеялся абонент. – Ну что ж, мы же не звери. Хорошо, пусть будет по-вашему. А теперь передайте трубку моему человеку.

Светлана удовлетворенно улыбнулась и передала мобильник с недоумением разглядывающему ее парню. Тот закивал, слушая наставления шефа, потом выключил «трубу», снова повесил ее на пояс.

– Щас поедем. – И он вышел, гроыхнув засовом.

Светлана опять осталась одна. Она отдавала себе отчет в том, что рискует жизнью, ибо верить этим людям у нее не было никаких оснований. Но ведь есть, в конце концов, вещи более важные, чем бизнес! Принятие решения – дело сложное, порой мучительное, но если уж ты принял его, на душе становится сразу легче. Словно сбросил гору с плеч.

Залязгал засов, обрывая Светланины думы. На пороге выросла знакомая фигура. Парень в шортах подошел к Светлане, связал ей за спиной руки, развязанные для того, чтобы она могла проглотить скудный обед, на глаза повязал вынутую из кармана шорт черную повязку. Потом молча вывел ее из сарая, лениво подталкивая в спину.

– Только не вздумай выкинуть какой-нибудь штуки, – осклабился он, уже стоя перед машиной, за рулем которой сидел его напарник, – чтоб тише воды, ниже травы! – пригрозил он.

Потом открыл дверцу и, пригнув пленнице голову, впих-

нул на заднее сиденье.

– Если все пройдет путем, тебя отпустят, если шум поднимешь в банке, вышибем мозги, – прохрипел он, усаживаясь с нею рядом, – не думай, что мы не сможем кончить тебя в банке, испугаемся. Если удрать попытаешься, найдем и кумпол открутим. А мужу твоему тогда крышка будет – как пить дать. Поняла? – прикрикнул он.

– Поняла, – холодно ответила Светлана, погружаясь в размышления.

А что, если и вправду устроить побег? Будут ли они стрелять в банке? Ведь там охрана. Причем не один охранник, а несколько. Она может закричать, позвать на помощь, выскользнуть из помещения, скрыться где-нибудь. А что потом? Дома она появиться не сможет... Где ей прятаться?

– Сначала домой, – сказала она, – мне нужно посмотреть номер депозитария и взять ключ от него.

– О'кей, – удовлетворенно хмыкнул сидящий с нею бандит, – давай на Хвалынскую, – скомандовал он напарнику.

Тот слегка кивнул и подбавил газу.

Светлана вернулась мыслями к побегу. Возможно, это будет действительно выход? Ее корбило, стоило ей представить, что тот мужчина с сытыми нотками в голосе будет владеть их добром, фактически их собственностью. Пока она терялась и загоралась перспективой побега, «БМВ» бороздил сельские просторы. Светлана поняла, что они уже где-то на подъезде к городу, когда решила не рисковать. Хотя,

зная свою натуру, она могла предполагать, что в самую ответственную минуту способна повести себя неожиданным для самой себя образом.

Минут через двадцать автомобиль остановился. Передняя дверца два раза хлопнула, и Светлана услышала знакомый голос.

– Мне нужна ваша подпись, Светлана Семеновна. – Зашелестела бумага. – Помоги ей.

Светлана почувствовала что-то твердое, вроде «дипломата» у себя на коленях. Потом в руку ей вложили авторучку, и чья-то сильная и настойчивая рука обхватила ее кисть.

– Вот здесь, – бандит подвел ее руку к нужной строчке.

– Что это? – спросила она.

– Договор о купле-продаже, – усмехнулся мужчина, – подписывайте.

Светлана поставила свою подпись. Лист тут же исчез с ее колен.

– Сними повязку, – скомандовал мужчина.

Бандит ловко освободил ее глаза от черной завесы. На коленях у нее, как она и предполагала, покоился кейс – новый, серебристый, с аккуратными хитрыми замками. Затылок темноволосого мужчины покоился на спинке переднего пассажирского сиденья. И Светлану вновь пронзило ощущение, что она знает этого человека.

– А теперь снова завяжи ей глаза, – распорядился он.

Бандит исполнил приказ. Светлана вцепилась в кейс,

словно для нее это была последняя надежда спастись.

– Что ж, – удовлетворенно подытожил мужчина, – теперь вы вами доволен, вы поумнели.

– Что дальше?

– А дальше, – мечтательно протянул мужчина, – открой-ка, – обратился он к парню в шортах.

Тот покрутил ключом в крохотных скважинах замков, потом щелкнул автоматическими запорами, и кейс открылся. Он был доверху набит «зеленью».

– Приподними-ка повязку, – сказал мужчина.

Его подчиненный ослабил на повязке узел и приподнял ее. Первые секунды перед глазами Светланы клубилась просвеченная золотистой и алой паутиной серая мгла. Потом она обрела способность видеть.

– Теперь вы видите, мы не бандиты с большой дороги, а вполне приличные люди, – как-то даже шаловливо усмехнулся мужчина, – это не грабеж, Светлана Семеновна, это обычная купля-продажа. Здесь два с половиной миллиона долларов. Еще столько же вы получите по завершении сделки.

– Моя доля стоит двадцать пять миллионов, – возразила Светлана.

На глаза ей снова упала черная тень. Щелкнули замки кейса.

– Вы не в таких условиях, чтобы не соглашаться, – ухмыльнулся мужчина, – так что забирайте кейс. И подумайте, ведь даже пять миллионов – огромная сумма. Что вы вообще

намерены с ними делать, с такими деньжищами?

– Ладно, – вздохнула Светлана, которая была не намерена вступать в пререкания, а тем более в дискуссию, – что дальше?

– Вы едете за ключом, потом в банк. Там мои люди забирают бумаги, а вам отдают еще один кейс с валютой. Все просто, как в начальной школе.

– И все-таки это грабеж, – упрямо заявила Светлана.

– Хорошо, – с оттенком раздражения в голосе сказал мужчина, – накидываю сверху еще пятьсот тысяч.

– Маловато, – упиралась Светлана.

– Боюсь, это все, что я могу вам предложить, – отрезал мужчина. – Решайте, ехать в банк или в сарай. Пять с половиной миллионов – это же целое состояние. Вы сможете купить мужу самого лучшего адвоката.

– У него уже есть адвокат, – с пренебрежением ответила Светлана.

– Вам решать, что делать с деньгами, – безразлично бросил мужчина. – Мне пора, Светлана Семеновна, всего вам хорошего.

– Жаль, что не могу пожелать вам того же, – с глубокой неприязнью сказала Светлана.

– Это пройдет, – тоном Екклесиаста произнес мужчина.

Он вышел из машины, а «БМВ» тронулся дальше по своему маршруту. Перед выходом на улицу с глаз Светланы сняли повязку и развязали руки. Но едва она шагнула на тротуар

возле той самой злополучной арки, как провожатые уцепились за нее так, что она не могла думать ни о каком побеге. Народу во дворе не было, бабушки и детишки собирались позже, когда спадала жара и можно было хоть немного вздохнуть. Светлана под руки с бандитами вошла в подъезд, поднялась в лифте на третий этаж. В лифте она снова вспомнила о Славке Болдине, потом подумала о муже, а уже следом – о Батурине. Если бы он знал!

Первым в квартиру вошел парень в трико. Потом бандит в шортах втолкнул Светлану в прихожую. В квартире трезвонил телефон. Парень в шортах схватил трубку, приказав своему подельнику не спускать глаз со Светланы. Светлану усадили на диван в гостиной. Слыша звонок, она впала в дикое нетерпение. Ее ждали какие-то новости, а она не имела доступа к трубке.

– Степин какой-то, – пренебрежительно сказал парень в шортах.

– Дайте мне поговорить с ним! – взмолилась Светлана.

– Ща-а-ас! – насмешливо прогундосил парень в шортах. – Ишь че!

Он уже хотел повесить трубку, но Светлана быстро заговорила:

– Мне нужно узнать код ящика, я не знаю... А Степин, возможно, сможет отыскать моего мужа.

– Хватит нам лапшу на уши вешать, бери ключ, и поехали, бабки не ждут! – рассмеялся он.

– Я только спрошу код, – не унималась Светлана, – без кода я ничего не смогу взять! Я совсем забыла про этот проклятый код...

– Ладно, хрен с тобой, – он сунул трубку Светлане, – только код! – грозно предупредил он. – Если что ляпнешь лишнего – пеняй на себя.

– Денис Григорьевич! – взволнованно крикнула Светлана в трубку. – Я срочно продаю оформленную на меня долю завода, но не знаю кода в депозитарии. Вы не могли бы спросить у Владимира, какой номер ящика? И еще, как он? И вообще, можно ли продавать?

– Хватит, – бесцеремонно выхватил трубку у Светланы парень в шортах, – уже лишнего наговорила.

Сам он поднес трубку к уху.

– Продавайте, Света... – услышал он немного утомленный голос. – Код: три ноля-семь-девять...

– Что он сказал? – напряглась Света.

– Сказал, чтоб ты продавала.

– Это странно, – изумилась она, – ты врешь!

– На, послушай! – усмехнулся парень в шортах.

– Света, Света, вы меня слышите? – кричал в трубку Степин. – Света, продавайте! Владимир приказывает вам продавать. Вы слышите меня?

Не успела она откликнуться, как парень в зеленых шортах выхватил у нее трубку и положил ее на рычаг.

– Ну, слышала? – скривился он в ухмылке.

Светлана ничего не говорила. Понятно, Полунин переживает за нее, он догадался, что творится что-то страшное, что ей угрожает опасность. Она поднялась, лунатической походкой, не замечая цепкого контролирующего взгляда бандита в трико, пошла в спальню. Парни проследовали за ней. Там из резной сандаловой шкатулки, где хранились золотые украшения, Светлана достала маленький ключик.

– А мужик-то у тебя с головой, – сипло рассмеялся парень в шортах, – соображает.

Они спустились в том же порядке к машине, в каком и поднялись.

Если Владимир обо всем догадался, значит, он уже позвонил Батурину. То есть не сам, конечно, позвонил, а попросил Степина. А это значит, что Николай уже выехал сюда. Надо потянуть время. Надо что-то придумать! Но что она могла сделать?

– Иди быстрее, – скомандовал парень в шортах, когда до машины оставалось не более тридцати метров. – Код мы знаем, ключ есть, так что все в порядке.

Ноги у Светланы заплетались, в коленях она чувствовала дрожь, во всем теле – страшную слабость.

– Я же паспорт забыла! – обрадованно воскликнула она. Парни беспокойно переглянулись.

– Давай ключ, – протянул руку парень в шортах.

Его напарник достал отобранный у Светланы ключ от квартиры. Командир втолкнул Светлану в салон автомоби-

ля, уселся сам, а подчиненному приказал бежать за паспортом. Светлана специально назвала не то место, где у нее хранились документы, чтобы затянуть отъезд. Парень больше двадцати минут пробыл в квартире, потом прибежал, утирая обильно катящийся по лицу пот и отчаянно матерясь.

– Весь дом перерыл, мать твою! – злобно сверкнул он глазами в сторону Светланы. – Совсем не там он был, ее паспорт!

– Ладно, едем, я тут совсем спекся! – прикрикнул на него старший. – Жми педали.

Тот бросил документ на сиденье рядом с собой и нажал на газ. Банк «Сириус» находился в нескольких кварталах от дома Полуниных. Так что весь путь занял не больше пяти минут.

– И как же вы собираетесь расплачиваться со мной? – с невеселой усмешкой в голосе спросила Светлана.

– Если будет все нормально, – процедил парень в шортах, – он, – кивнул он на водилу, – принесет оба кейса.

– Ну-ну, – иронично посмотрела на своего сторожа Светлана.

* * *

Нелегкий разговор Полунина и Степина с Малышевым продлился почти до обеда. В конце беседы Виктор Андреевич дал Полунину подписать показания и забрал у Степина

ходатайство об изменении меры пресечения с ареста на подписку о невыезде. Кроме того, было решено общими усилиями попытаться найти тех людей, которые спрятали «Крайслер» Полунина на автостоянке, или хотя бы тех, кто видел, как машину загоняли на стоянку. Это должен был знать сторож или дежурный по автостоянке.

Подытоживая результаты, Степин сделал свои выводы, с которыми Малышев также не мог не согласиться: все улики против Полунина были косвенными и не подтверждались никакими свидетельскими показаниями. Единственным серьезным моментом был «ТТ» с отпечатками пальцев, который Полунину наверняка сунули в руки, когда он находился в бессознательном состоянии, под действием наркотиков. Денис Григорьевич также настоял на срочном проведении медицинского обследования. Оно могло бы выявить остатки препаратов, которыми усыпляли Владимира.

Когда все формальности были выполнены, Владимир попросил у Малышева еще несколько минут пообщаться с адвокатом наедине. Тот согласился, хотя и без видимого удовольствия.

– Дайте мне листок и бумагу, – сказал он Степину, когда за Малышевым захлопнулась дверь.

Степин быстро раскрыл блокнот, который у него был наготове, и протянул Полунину. Полунин раскрыл его и принялся туда что-то записывать, пару раз замирая на несколько мгновений. Наконец он вернул блокнот адвокату.

– Найдите Батурина – его адрес и телефон вы уже записали – и передайте записку ему, – сказал Владимир, – он поймет, что от него требуется. Если вам тоже потребуется какая-то помощь – люди там... или еще что – тоже обращайтесь к нему. Вторую записку передайте Светлане, я не знаю, разрешат ли мне ей позвонить. – Лицо Полунина помрачнело оттого, что он почувствовал, как непросто сейчас приходится его жене. – Кстати, у вас нет с собой телефона? – Полунин взглянул адвокату на поясной ремень, где обычно носят мобильники. – Мне отсюда пока звонить не разрешают.

– Есть, – Степин полез было в портфель, но замялся, – только если кто-нибудь узнает, что вы говорили с моего аппарата, меня отстранят от вашего дела, и это в лучшем случае.

– Ладно, – скрепя сердце согласился Владимир, – тогда встаньте в сторонку и сами наберите номер Светланы – вам-то звонить никто не запрещал.

Сделав страдальческую гримасу, Степин вынул сотовый и быстро набрал нужный номер.

– Алло, Светлана, это Степин, – сказал он, когда на том конце провода сняли трубку.

– Ну что там, это она? – громко прошептал Полунин, стоя у стола.

– Алло, алло! – адвокат пожал плечами, ничего не понимая, и поднял глаза на Полунина. – Никто не отвечает.

– Дай-ка мне, – рванул к нему Владимир, но Степин рез-

ким жестом остановил его.

– Предупреждаю, Владимир Иванович, – он выставил руку с телефоном в противоположную от Полунина сторону, – я отключу аппарат. Поймите же, вы можете лишиться защиты в моем лице, а я потеряю работу.

– Черт с тобой. – Полунин снова отошел. – Да говори же ты! Спроси, как она себя чувствует?

Степин приложил трубку к уху, потом с недоумением посмотрел на Владимира.

– Она говорит, что собирается продать свои бумаги, и спрашивает какой-то код.

В этот момент Полунину было, конечно, не до расспросов, но он и так моментально все понял. Кто-то могущественный действует сразу по нескольким направлениям. Обработывают всех владельцев крупных пакетов акций «Нефтьоргсинтеза». Полунин, разрабатывая систему защиты, предполагал и такой вариант развития событий, поэтому на вопрос Светланы отреагировал мгновенно. Он продиктовал Степину код и дал свое согласие на продажу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.